

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-85189 от 17 апреля 2023 года)

Члены редакционной коллегии:

Сафронова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород, Россия) – главный редактор.

Чернышева Юлия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия) - ответственный секретарь, технический редактор.

Алонцева Дина Викторовна, доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой юриспруденции им. В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия).

Аристов Евгений Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия).

Васильев Антон Александрович, доктор юридических наук, профессор, директор юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия).

Голик Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (Москва, Россия).

Карлуш Кете Жорже, доктор права (PhD), профессор государственного Университета Агостиньо Нето и Католического университета Анголы (г. Луанда, Республика Анголы).

Кузьменко Элла Юрьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (Тамбов, Россия).

Кургузкина Елена Борисовна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал) (Воронеж, Россия).

Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород, Россия).

Пабло Чан Ибарра Ан Пин, доктор права (PhD), профессор Университета Латинской Америки (UDLA, Эквадор).

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия).

Санка Мохаммед, доктор права (PhD), лектор центра исследований мира и безопасности факультета устойчивого развития Университета исследований в области развития (Тамал, Республика Гана)

Таболин Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права Департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Шатковская Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления (Ростов-на-Дону).

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западного государственного университета» (Курск, Россия).

The founder and the publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bunin Yelets State University» (399770, Lipetsk region, Yelets, st. Komunarov, 28, 1).

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. (Registration number: PI № FS77-85189 of 17, April 2023).

The editorial board:

Safronova Elena Viktorovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University» (Belgorod, Russia) – Editor-in-chief.

Chernysheva Yuliya Andreevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov Bunin Yelets State University (Yelets, Russia) - Executive Secretary, Technical editor.

Alontseva Dina Viktorovna, Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

Aristov Evgenii Vyacheslavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the department of constitutional and administrative law Perm State National Research University (Perm, Russia).

Vasiliev Anton Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute of the Altai State University, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Altai State University (Barnaul, Russia).

Golik Yuri Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Carlos Kete Jorge, Doctor of Law (PhD), Professor at the Agostinho Neto State University and UCAN (Luanda, Republic of Angola)

Kuzmenko Ella Yuryevna – Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia).

Kurguzkina Elena Borisovna, Professor of the chair of Criminal Procedural Law, Doctor of Law, Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh, Russia).

Marina Vasilyevna Markhgeym, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University» (Belgorod, Russia).

Pablo Chan Ibarra An Ping, Doctor of Law (PhD), Professor at the University of Latin America (UDLA, Ecuador).

Pashentsev Pashentsev Dmitry Alekseevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Research Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Sankah Mohammed, Doctor of Law (PhD), Lecturer at the Center for Peace and Security Studies of the Faculty of Sustainable Development of the University of Development Studies (Tamal, Republic of Ghana)

Tabolin Vladimir Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law of the Department of Public Law Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Shatkovskaya Tatiana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law South-Russia Institute of Management –

branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).

Sheveleva Svetlana Viktorovna, doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law of Southwestern State University (Kursk, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Диденко М.С. Теория исторического процесса становления источников права на примере советского государства (1917-1936 гг.)	8
Шатковская Т.В. Манифесты Александра II как средство политико-правового взаимодействия императора и Российского общества	15

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алонцева Д.В., Несынова М.С., Юрина Е.А. Семейное насилие как социально-правовой феномен.....	22
Мирончуковская В.В., Иншакова К.П., Надточий И.О. Вопросы разграничения полномочий государственного регулирования и саморегулирования в области надзора и контроля на рынке финансовых услуг	32
Перепелица М.А., Шачков Г.В. Виды страхования предпринимательских рисков в Российской Федерации: классификации и вопросы правоприменения	41
Ратникова Н.Д. Особенности участия прокурора в гражданском судопроизводстве	49
Скиперских А.В. Центр VS провинция: проблема политического конструирования пространственных различий в современной России	55

Уголовно-правовые науки

Голик Ю.В., Рыбалко С.С., Чернышева Ю.А. Понятие религиозной безопасности: современное состояние и угрозы	67
НАШИ АВТОРЫ	74
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	78

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

Didenko M.S. Theory of the historical process of formation of sources of law using the example of the soviet state (1917-1936)..... 8

Shatkovskaya T.V. Manifestos of Alexander II as a means of political and legal interaction between the emperor and russian society 15

Public law (state law) sciences

Alontseva D.V., Nesynova M. S., Yurina E. A. Family violence as a socio-legal phenomenon 22

Mironchukovskaya V.V., Inshakova X.P., Nadtochiy I.O. Issues of differentiation of powers of state regulation and self-regulation in the field of supervision and control in the financial services market..... 32

Perepelitsa M.A., Shachkov G.V. Types of business risk insurance in the Russian Federation: classifications and law enforcement issues 41

Ratnikova N.D. Features of the participation of the prosecutor in civil proceedings 49

Skiperskikh A.V. Center VS province: the problem of political construction of spatial differences in modern Russia 55

Criminal Law Sciences

Golik Y.V., Rybalko S.S., Chernysheva Y.A. The concept of religious security: current state and threats..... 67

OUR AUTHORS..... 74

FOR THE AUTHOR'S INFORMATION..... 78

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1917-1936 гг.)

М.С. Диденко,
ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ
(Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. В статье осуществлено научно-теоретическое осмысление источников права как сложного исторического явления. Его исследование предполагает выявление объективных и субъективных факторов, действие которых подчинено общим закономерностям, образуя сложную причинность формирования источника права. Их изучение позволило сделать вывод о том, что понятие «источник права» не имеет раз и навсегда данного определения и находится в процессе становления. Данный исторический процесс характеризуется определенными закономерностями. Их появление объясняется воздействием объективной (физической) и субъективной (духовной) причинности на человеческую коммуникацию. Результатом такого влияния становятся качественно новые синтезы устойчивых состояний общественной жизни, в том числе и в виде идей, убеждений и правовых норм.

В статье показано как изменение типа хозяйствования, увеличение или уменьшение количества населения, расширение гражданского оборота приводит к смене правовых порядков, образа действий членов общества и соответственно устойчивых правовых форм их взаимодействия и общения. Поэтому чем более многоукладным окажется общество, тем сложнее будет система источников права.

На примере Советского государства периода построения социализма доказано, что историческая изменчивость источников права, не исключает наличия устойчивых тенденций их становления в рамках национальной правовой системы.

Ключевые слова: источники права, теория права, советское право, Советское государство, правовые обычаи, правовая система.

DOI 10.24888/2949-3293-2023-3-3-8-14

THEORY OF THE HISTORICAL PROCESS OF FORMATION OF SOURCES OF LAW USING THE EXAMPLE OF THE SOVIET STATE (1917-1936)

Marina S. Didenko
RANEPA under the President of the Russian Federation
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. The article provides a scientific and theoretical understanding of the sources of law as a complex historical phenomenon. His research involves identifying objective and subjective factors, the action of which is subject to general laws, forming a complex causality in the formation of a source of law. Their study allowed us to conclude that the concept of “source of law” does not have a once and for all definition and is in the process of becoming. This historical process is characterized by certain patterns. Their appearance is explained by

the influence of objective (physical) and subjective (spiritual) causality on human communication. The result of such influence are qualitatively new syntheses of stable states of social life, including in the form of ideas, beliefs, and legal norms. The article shows how a change in the type of business, an increase or decrease in the population, the expansion of civil circulation leads to a change in legal orders, the way of action of members of society and, accordingly, stable legal forms of their interaction and communication. Therefore, the more diverse a society turns out to be, the more complex the system of sources of law will be. Using the example of the Soviet state during the period of building socialism, it has been proven that the historical variability of the sources of law does not exclude the presence of stable trends in their formation within the framework of the national legal system.

Keywords: *sources of law, theory of law, Soviet law, Soviet state, legal customs, legal system.*

Предназначение общей теории права как фундаментального направления юридической науки состоит в выработке основополагающих правовых понятий. Однако вместо ожидаемого единообразия в определениях права и составляющих его элементов в современном правоведении наблюдается множественность научных подходов. Исключением не является и понятие «источник права» как одно из ключевых понятий теории права.

Такое терминологическое разнообразие, как представляется, вызвано рядом объективных и субъективных факторов. Их выявление и анализ показывает, что понятие «источник права» возникает в определенных условиях жизнедеятельности и для него характерен постоянный процесс становления [7, с. 9].

Объективные факторы в данном исследовании понимаются как независимые от внутренней и духовной жизни человека обстоятельства, тесно связанные с физическими явлениями и процессами.

В этом мире отношения между явлениями поддаются более или менее точному измерению и могут быть выражены количественно. Результат, обусловленный такой причиной, может быть предсказан с высокой долей вероятности, поскольку породившая его причина в значительной степени предопределяет содержание причинного ряда, а следствие не может наступить без причины. Поэтому понять последствия в физическом мире возможно только путем восхождения к его первоисточкам.

В социальных отношениях детерминированность физическими процессами четко не просматривается. Несмотря на значительные достижения юснатурализма в изучении влияния природных факторов на формирование права до сегодняшнего дня не выявлены закономерности воздействия климата, географических, природных особенностей территории на формирование права и его источников.

По характеру взаимодействия человеческих сообществ с природой ученые предлагают разделить народы на культурные и некультурные. В основу этого деления положены не только уровень материальной культуры общества, но и его способность сохранять накопленные знания, например, с помощью письменности и развивать их, к примеру, путем институционализации науки [6, с.219].

Субъективные факторы связаны с индивидуальными или общественными особенностями человеческой психики и постоянным процессом духовного общения между людьми [6, с.86]. В ходе этого общения методом творческого синтеза создаются идеи, получающие общее признание и поэтому выступающие основой общественного сознания и достоянием широких слоев населения или их культурными ценностями.

Следует согласиться с исследователями, полагающими, что, несмотря на недоказанность конкретных причинно-следственных связей в истории правового развития общества, в ней просматриваются определенные закономерности.

Общество постоянно творит новые деяния, поэтому предугадать ожидания тех людей, которые их осуществили, и их последствия сложно. Человеческое сообщество объединено не только инстинктом общежития, но и традициями, то есть навыками приспособления к окружающему миру не биологическими, а разумными, связанными со способностями к отвлеченному мышлению.

Этот процесс, по меткому выражению В. О. Ключевского, подчинен особой внутренней закономерности, которая, с одной стороны, вызывает последствия непредвиденные историческими деятелями, с другой стороны, способствует целесообразной переработке «самых рискованных мероприятий законодателя» [3, с.139]. К примеру, правовые преобразования, названные сегодня реформами Петра I, для самого императора были текущими делами, не обремененными глубокими предварительными обсуждениями и отдаленными планами [3, с.272].

В связи с тем, что правообразование представляет собой исторический процесс, тесно связанный с человеческой коммуникацией, подверженный при этом влиянию физических процессов, то факторы обоих типов причинности (объективной (физической) и субъективной (духовной) оказывают влияние на формирование общих ценностей.

На основании анализа внешних поступков необходимо раскрыть содержание переживаний людей, участвующих в исторических событиях. Объективные факторы исследуются лишь в той степени, в какой они повлияли на сознание людей и их поступки, приведшие в свою очередь к качественно новым синтезам устойчивых состояний их общественной жизни, в том числе и в виде идей, убеждений и правовых норм.

Как справедливо отметил Ж. -Л. Бертель, «созидательными силами права» в полной мере следует признать и факты действительности, и требования конкретных ситуаций, обеспечивающие право материальной основой и определяющие его ориентацию и содержание [2, с.97].

К примеру, процесс урбанизации ослабляет влияние традиционных правовых воззрений, так как большие города пополняются не за счет собственного прироста, а благодаря миграции из представителей разных профессий, национальностей, вероисповеданий. Прибывающее молодое поколение отрывается от старших, что препятствует передаче традиции и общественному контролю за ее соблюдением.

Движение и взаимодействие сегментированного населения в городах создает изменчивость внутреннего строя общества в силу различия в занятиях и образе жизни и требует иных способов социальной сплоченности, в том числе источников правовой организации.

Поэтому в обществах с преобладающим коллективным сельскохозяйственным производством правовые обычаи сохраняют действенность на протяжении длительного периода времени для защиты традиционного порядка от нарушений. В условиях развития промышленного строя и городской культуры увеличивается количество законов как источников права, обеспечивающих свободу личности, учет ее индивидуальных потребностей и закрепляющих идеалы индивидуального развития.

Таким образом, изменение типа хозяйствования, увеличение или уменьшение количества населения, расширение гражданского оборота приводит к смене правовых порядков, образа действий членов общества и соответственно устойчивых правовых форм их взаимодействия и общения, обладающих практическим содержанием. При этом, чем более многоукладным окажется общество, тем сложнее будет система источников права.

Развитие источников права как сложное историческое явление может быть исследовано только путем его разложения на составные элементы или факторы, действие которых подчинено общим закономерностям или тенденциям, образуя тем самым сложную причинность формирования источника права. Выявление подобных факторов осуществляется систематическим применением метода абстракции и обобщения для познания сходства и различия отдельных элементов процесса образования источников права и особенностей их взаимодействия.

Так, для понимания разнообразия источников права важное значение имеет фактор национальности, который, по справедливому замечанию В. М. Хвостова, следует относить к культурным понятиям [5, с.148]. Национальность присуща группе людей, объединенной общим историческим прошлым, на базе которого у них сложилось чувство культурно-исторического единства, выраженное в различных формах права и государства.

Как полагал В. О. Ключевский, у русских национальное чувство сложилось в XIV в., и вслед за этим последовало формирование первых источников позитивного права прежде всего общерусских Судебников XV- XVI в.

Помимо национального чувства общество объединяет социальное взаимодействие. Данная общность вырабатывается особым путем и специфическими средствами, обеспечивая его единство и прочность. Еще одним фактором устойчивости общества выступает культурная традиция, закрепляющая посредством определенных воззрений и социальных институтов действия и обычкновения, полезные для общественного целого.

Традиция усваивается и передается из поколения в поколение через воспитание и иные формы социального воздействия, становясь препятствием к любым нововведениям и формируя привычные нормы поведения и порядок действий. Полезные в течение длительного времени для общества установления и представления получают статус неприкосновенных.

Представление о силе традиции в понимании источников права встречается в самом распространенном их делении на закон и обычай [5, с.115]. Обычаем, в широком смысле слова, считается привычный образ действий, сложившийся в народе в известных обстоятельствах и получивший путем постоянного практического применения силу привычки. Требование и контроль за соблюдением от каждого члена общества придает ему статус обязательной нормы обычного права. Так, при помощи традиции формируются общие нормы права, закрепляя фактически сложившиеся и длительное время действовавшие (привычные) отношения как нормальные [9, с.87-88].

Тем самым традиция выступает в роли фактора, обеспечивающего устойчивость и неприкосновенность сложившихся форм права. Вместе с тем, когда традиционные формы права утрачивают свое полезное содержание в связи с изменением социально-экономических условий жизни, то их существование становится фактором, препятствующим общественному развитию. В таком случае сложившиеся традиционные источники права либо заменяются посредством реформ, или отменяются революционными преобразованиями общества.

Множественность факторов, влияющих на формирование источников права и их последующее развитие, не подчиняется действию общих исторических законов, которые весьма схематично, по нашему мнению, сформулированы рядом ученых (Брейзиг Курт, Лоренц Оттокар и др.) [4, с. 110-112]. Процесс смены исторических правовых форм не укладывается в логические схемы, так как отличается разнообразием. Вместе с тем, чтобы не потеряться в разнообразии источников права, необходимо осуществить их классификацию, выделив их наиболее типические разновидности и дать им понятие.

Выявленная историческая изменчивость источников права не исключает наличия устойчивых тенденций их становления в рамках национальной правовой системы. Наиболее наглядным примером тому является период построения советского социалистического государства.

Революционные изменения в российском праве в 1917-1936 гг. не привели к полному разрушению устойчивых связей в системе его источников [8, с.20]. Поэтому сохранились такие закономерности, как влияние экономического уклада общества на систему источников права. Чем более многоукладным было российское общество, тем сложнее становилась система источников права. Особенно наглядно данная закономерность прослеживалась в период новой экономической политики, когда одновременно действовали различные виды организованных и неорганизованных источников права.

Национальные культурные традиции в развитии источников права проявились в сохранении двух широко распространенных источников права закона и правового обычая. Закон в рассматриваемый период прошел эволюцию от множества разновидностей актов в форме декретов, распоряжений, постановлений и пр. до советского закона, принимаемого Верховным Советом – высшим органом власти в СССР.

Действие обычая как формы выражения советского права связано со способом его формирования. Обычаи закрепляли фактически сложившиеся и длительно применяемые правила поведения, приобретшие характер привычки. При этом государство контролировало действие обычаев и санкционировало те из них, которые соответствовали целям социалистического развития.

В Советском государстве наблюдалась и такая закономерность, как последовательное вытеснение законами правовых обычаев. Государственный правопорядок складывался таким образом, что место обычая в нем определялось законом. Объективность данного процесса, как представляется, связана с тем, что только государство может обеспечивать общие начала законности в обществе.

Вместе с тем советский опыт подтвердил закономерность активизации социального значения неорганизованных источников права в переходные периоды развития государства. Это связано с утратой легитимности прежнего законодательства и недостаточностью действующего государственного регулирования [1, с. 7-9].

Еще одной закономерностью считаем влияние длительно существовавших форм правления на формирование устойчивых свойств системы источников национального права. В частности, при переходе к республиканской форме правления в Советской России сохранялись такие признаки системы источников монархического государства, как ключевая роль главы государства (ее выполнял руководитель коммунистической партии) и органов исполнительной власти в создании источников позитивного права, отсутствие четких границ между административными и подзаконными актами.

Наряду с устойчивыми тенденциями в период с 1917 по 1936 гг. выявлены специфические особенности системы источников права. Они обусловлены переходным состоянием, в котором находилось Советское государство, а также революционными изменениями, претерпеваемыми обществом и его правовой системой. Так, в рассматриваемый период источники советского права обладали системными свойствами, но не являлись целостной системой. Только во второй половине 30-х годов XX в. советский закон и иные НПА были конституционно закреплены как основной источник социалистического права.

Таким образом, становление источников социалистического права в переходном состоянии Советского государства отличается сосуществованием старых и новых источников права. Действие первых обусловлено их длительным использованием и обще-

ственным признанием. Юридическая сила новых источников права связана с легальным принуждением политической элиты, пришедшей к власти.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

– догматическое понимание «источника права» как застывшего на века неизменного понятия может отвечать утилитарным интересам юридической практики, но не соответствует меняющимся реалиям правовой действительности. Вследствие этого искусственно закрепляются отжившие понятия, но не учитывается появление новых правовых форм. Такой подход препятствует получению достоверных полных знаний о действующих источниках национального права;

– источники права как элемент национальной правовой системы обусловлены объективными и субъективными факторами общественного развития. На отдельных этапах их исторического становления наблюдается сосуществование старых и новых источников права. Их соотношение определяется внутренними закономерностями, присущими развитию национальной системы источников права;

– изучение процесса построения социализма в Советском государстве позволяет выявить устойчивые тенденции и новации в развитии источников российского права. Необходимость формирования новой иерархии и системных связей источников права в этот период была обусловлена изменившимися условиями правовой действительности, целями государства, задачами его правовой политики, сменой идеологических установок, а вместе с тем трансформацией правосознания и правового мышления населения и правящей элиты.

Литература

1. Алексеев Н. Н., Тимашев Н. С. Источники права // Право Советской России. Вып. 1: [Источники права. Государственный строй. Административное право. Публично-хозяйственное право]. – Прага, 1925. – С.7-29.

2. Бержель Жан-Луи. Общая теория права. Под. общ. ред. В. И. Даниленко / Пер. с фр. – М.: Издательский дом NOTA VENE, 2000. – 576 с.

3. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В трех книгах. Книга первая. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 608 с.

4. Социология. Под ред. Зомбарт Вернер. – Ленинград: Мысль. 1926. – 138 с.

5. Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. – Москва: Университетская типография, 1905. – 160 с.

6. Хвостов В. М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. – Москва: Московское научное издательство имени Г. Н. Марн при Московском научном институте, 1919. – 389 с.

7. Шапсугов Д. Ю. Проблема свободного мышления в юридической науке. – Москва: Издательские решения, 2020 – 456 с.

8. Шатковская Т.В., Бурмистров С. В. Теория и практика правового нигилизма в России: опыт научной экспликации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. №4. – С.15-24.

9. Шатковская Т.В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917-1922 гг.) // Юрист-Правоведь. – 2008. – №3 (28). – С. 87-92.

References

1. Alekseev N. N. On the path to the future Russia (the Soviet system and its political possibilities) // Russian people and state. – Moscow: Agraf, 1998. – 640 p.

-
2. Bergel Jean-Louis. General theory of law. Under. total ed. V. I. Danilenko / Trans. from fr. – Moscow: Publishing house NOTA BENE, 2000. – 576 p.
 3. Klyuchevsky V. O. Russian history. Full course of lectures. In three books. Book one. – Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House, 1998. – 608 p.
 4. Sociology. Ed. Sombart Werner. – Leningrad, Mysl. 1926. – 138 p.
 5. Khvostov V. M. General theory of law. Elementary essay. – Moscow: University Printing House, 1905. – 160 p.
 6. Khvostov V. M. Theory of the historical process. Essays on the philosophy and methodology of history. Moscow: Moscow Scientific Publishing House named after G. N. Marn at the Moscow Scientific Institute, 1919. – 389 p.
 7. Shapsugov D. Yu. The problem of free thinking in legal science. – Moscow: Publishing solutions, 2020 – 456 p.
 8. Shatkovskaya T.V., Burmistrov S.V. Theory and practice of legal nihilism in Russia: experience of scientific explication // North Caucasian Legal Bulletin. 2019. – № 4. – P.15-24.
 9. Shatkovskaya T.V. The place of customary law in the regulation of land relations in the first years of Soviet power (1917-1922) // Lawyer-Pravoved. – 2008. – № 3 (28). – pp. 87–92.

МАНИФЕСТЫ АЛЕКСАНДРА II КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИМПЕРАТОРА И РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Т. В. Шатковская

Южно-Российский институт управления – филиал РАХиГС
при Президенте РФ, РГЭУ (РИНХ)
(Ростов-на-Дону, Россия)

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию юридических форм политико-правового взаимодействия императора и российского общества в период правления Александра II. Автор доказывает, что демократизация политического строя предполагает установление диалога между правящей элитой и населением. На основе анализа текстов высочайших императорских манифестов показан переход от оповестительной модели во взаимоотношениях с народом к его привлечению к делам государства. Манифесты Александра II свидетельствуют о намерении российской власти создать устойчивый канал связи для обращения монарха к обществу и решения острых социальных проблем «сверху». В статье определена особая роль манифеста от 19 февраля 1861г. в деле консолидации российского общества. Автор приходит к выводу о том, что манифесты Александра II являются важным источником для понимания стратегии государственного развития в период его правления и состояния взаимоотношений между властью и обществом в период проведения буржуазных реформ. Обоснован вывод о том, что последовательный переход к конституционному государству в России требовал от власти учета мнения формирующегося гражданского общества.*

***Ключевые слова:** манифест, российское право, Российская империя, император, российский народ, Российское государство.*

DOI 10.24888/2949-3293-2023-3-3-15-21

MANIFESTOS OF ALEXANDER II AS A MEANS OF POLITICAL AND LEGAL INTERACTION BETWEEN THE EMPEROR AND RUSSIAN SOCIETY

Tatiana V. Shatkovskaya

RANEPА under the President of the Russian Federation
Rostov state economic university (RINH)
(Rostov-on-Don, Russia)

***Abstract.** The article is devoted to the study of the legal forms of political and legal interaction between the emperor and Russian society during the reign of Alexander II. The author proves that democratization of the political system presupposes the establishment of a dialogue between the ruling elite and the population. Based on the analysis of the texts of the highest imperial manifestos, the transition from the notification model in relations with the people to their involvement in state affairs is shown. The manifestos of Alexander II indicate the intention of the Russian authorities to create a stable communication channel for the monarch to address society and solve pressing social problems “from above.” The article defines the special role of the manifesto of February 19, 1861. in the consolidation of Russian society. The author concludes that the manifestos of Alexander II are an important source for understanding the strategy of state development during his reign and the state of relations be-*

tween government and society during the period of bourgeois reforms. The conclusion is substantiated that the consistent transition to a constitutional state in Russia required the authorities to consider the opinions of the emerging civil society.

Keywords: *manifesto, Russian law, Russian Empire, emperor, Russian people, Russian state.*

Качественные характеристики политического строя государства и возможности его преобразования на любых этапах исторического развития во многом зависят от сложившейся в обществе модели взаимодействия населения и правящей элиты. Заинтересованность государственных структур в формировании надежных каналов связи с населением; наличие социальных лифтов, реальных политико-правовых механизмов участия населения в управлении и осуществлении общественного контроля над институтами публичной власти расширяет возможности общественной инициативы, активизирует интерес населения к государственным делам, стимулирует граждан развивать их политическую культуру.

Такая модель взаимодействия общества и государства складывается веками. Ее реализация обеспечивает политическое единение и сотрудничество народа и власти в преобразовательных политических процессах.

В Российской империи осуществление диалога между народом и властью вплоть до середины XIX в. осложнялось отсутствием личной свободы у частновладельческих крестьян, составлявших около половины всего населения страны. Для России периода империи характерна вертикальная централизованная модель взаимоотношения власти и народа, при которой единственным носителем государственного суверенитета выступал император. Как гласили Основные законы, подчиняться воле Его Императорского Величества «сам Бог повелевает».

Вплоть до конца XIX века ограниченной юридической возможностью участия в управлении государством обладало только дворянское сословие, высочайше наделенное правом создания общественных организаций, выступавшее социальной основой для формирования российской бюрократии и периодически призываемое императором для обсуждения важных государственных вопросов.

Для остальных подданных действовала оповестительная модель о принятых решениях по социально значимым вопросам государственной жизни. Одной из юридических форм такого взаимодействия служили высочайшие манифесты. Они обладали высшей юридической силой, так как исходили от Российского императора и предназначались для информирования населения о царских милостях или об особо крупных государственных событиях, имевших общий характер.

Понимание модели взаимоотношений властной элиты и народа в условиях монархического государства позволяет правильно интерпретировать значение вышеназванных манифестов. В частности, вывод современных исследователей о том, что многочисленные прошения, подношения, просьбы, поступавшие в Канцелярию по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, свидетельствовали о сильных монархических настроениях россиян, считаем преувеличенным.

До конца XIX в. в России данная комиссия была единственным связующим звеном между народом и императором и естественно, что население пользовалось этим уникальным каналом связи с монархом, пытаясь привлечь его внимание к насущным проблемам общества.

Императоры периодически одаряли высочайшей милостью своих подданных, приурочивая социально-экономические послабления к памятным датам и праздникам

(например, восшествие на престол нового императора, рождение ребенка или бракосочетание членов императорской семьи).

Нередко милостивыми манифестами монархи пытались сгладить трагические события в жизни народа. Так, Николай I 16 апреля 1841г. издал манифест, пытаясь минимизировать негативные последствия неурожая 1840г. и тем самым снизить социальную напряженность в стране. С помощью дарованных милостей царская власть пыталась урегулировать отношения с народом, решая самые острые и вызывавшие наибольшую степень общественного недовольства проблемы.

Таким образом, милостивые манифесты можно считать властным инструментом высочайшего реагирования на злободневные общественные тяготы. Составление таких манифестов в XIX в. сопровождалось правительственной работой в министерствах, Комитете министров и даже в Государственном Совете [1, с. 166; 4, с.87]. Подготовленные правительством милости императора, в XIX в. касались введения льгот по уплате казенных взысканий и сборов, прощения недоимок, облегчения выполнения рекрутской повинности, амнистии или послабления наказания преступников.

Манифесты начали использоваться властью как часть коронационного церемониала с XVIII в. Первый манифест, по мнению историков, был издан Петром I для смягчения недовольства по поводу коронации Екатерины I [6, с. 52-56]. Однако только в XIX в. подобная практика получила широкое распространение.

Количество манифестов, содержащихся в Полном собрании законов Российской империи позволяют говорить как о намерении власти создать устойчивый канал связи для обращения монарха к обществу и решения острых социальных проблем «сверху», так и о стремлении общества к диалогу с властью для понимания стратегии дальнейшего развития государства.

Особое внимание в этом отношении привлекали коронационные манифесты. Их тексты были своеобразным ориентиром для общества, важным источником для понимания общей стратегии будущего правления. Так, молчание Александра II в течение месяца после коронации вызвало беспокойство общества.

Только 27 марта 1855г. последовал коронационный манифест, которым император давал сигналы обществу о смене государственного курса, его переориентации на внутреннее благоустройство в государстве.

В манифесте по случаю окончания Крымской войны и заключения Парижского мира от 19 марта 1856г. программа преобразований была дополнена задачами закрепления милостей и прав в области судопроизводства, предоставления равно справедливых законных условий распоряжаться плодами усилий своих, распространения просвещения и поощрения полезной деятельности подданных.

Намерения Александра II снять наиболее жёсткие ограничения предыдущего правления получили юридическое оформление в том числе и во втором коронационном манифесте от 26 августа 1856г. [7, № 30877]. В нем помимо традиционных милостей (податных облегчений, прощений недоимок и пособий), по количеству которых рассматриваемый манифест превзошел остальные, даровались особые знаки отличия для героев и других участников Крымской компании из числа дворян, почетных граждан, купцов и иностранных колонистов.

Амнистии подлежали не только некоторые уголовные преступники, но и политические заключенные. Так, Александр II простил многих декабристов, осужденных по приговорам 1826, 1827 и 1829 годов, и даровал им потомственное дворянство. Прощены были и отдельные участники Польского восстания. Им и их законным детям возвращались права состояния, которыми они ранее пользовались при условии возвращения к долгу повиновения императору [8, № 39443].

Реализация данного манифеста обеспечивалась прилагаемыми к нему шестью именными указами Правительствующему Сенату. Данными указами объяснялись статьи манифеста и давались руководства к применению его статей на практике.

Реакция на манифест продемонстрировала, не только различия, но даже полярность политико-правовых воззрений в российском обществе. Монархически настроенная часть общества с воодушевлением восприняла многочисленные милости императора. Сторонники реформ полагали, что количество милостей в коронационных манифестах не компенсировалось отсутствием в них реальных мер по решению таких злободневных проблем, как отсутствие свободы перемещений и иных гражданских свобод, замалчивание крестьянского вопроса.

Исторический манифест об отмене крепостного состояния частновладельческих крестьян и даровании им прав свободных сельских обывателей Александр II подписал 19 февраля 1861г. История его создания достаточно подробно изучена историками [2, с. 48–70; 3, с. 180–200; 5, с.109-129]. Вместе с тем содержание манифеста все еще находится под прессом односторонней идеологической критики. Он рассматривается как продворянский акт, направленный на защиту помещичьих интересов.

Социальная значимость манифеста как правило ограничивается тем, что он положил начало «новой хозяйственной будущности крестьян». Его роль в построении гражданского общества в России как акта дарования личной свободы для миллионов россиян считается недооцененной.

В этой связи интересно обратиться к тексту документа, чтобы понять его действительное значение. В манифесте крепостные крестьяне впервые включены в число верноподданных императора. В нем отсутствие равной меры к определению правового положения всех сословий рассматривается как дефект законодательства о званиях и состояниях. Широта и неопределенность прав помещиков в отношении крестьян, указано в манифесте, нередко приводила к их произволу в отношении крестьян. Мероприятия прошлых правлений по крестьянскому вопросу в манифесте названы «нерешительными». Поэтому дело изменения положения крестьян к лучшему Александр II называет завещанным ему отцами делом своего правления.

В манифесте признано соработничество дворянства, в том числе в лице губернских комитетов, в деле обустройства крестьянского быта.

Манифестом крестьянам был дарован статус свободных сельских обывателей. Император подтверждал последовательное расширение их прав, которое в полной мере соответствовало бы их сословному статусу.

Очевидно, что провозглашенное сохранение за помещиками права собственности на всю их землю надо толковать ограничительно. Поскольку вслед за этой декларацией сообщалось об изъятии помещичьей земли в пользу крестьян в установленных законом размерах. И, как известно, в ходе проведения реформы помещики потеряли около 2/3 своих земель [11, с. 56-58].

Переходное состояние как для крестьян, так и для дворовых людей объясняется в манифесте необходимостью их приспособления к новым условиям. Причем временнообязанным крестьянам предоставлялось право выкупа земли, прекращавшее все обязанности крестьянина по отношению к помещику.

Земельно-податные отношения помещиков и крестьян регулировались уставными грамотами, на составление которых отводилось два года.

Приспособление основных начал манифеста к местным условиям предлагалось достигать добровольными соглашениями между крестьянами и помещиками. Те, кто еще десять лет назад считались предметом договора купли-продажи, становились рав-

ноправной стороной договора. Для разрешения недоразумений и споров между сторонами вводился институт мировых посредников.

Единицей крестьянского самоуправления оставалось сельское общество, вводилась более крупная административная единица волость с соответствующим волостным управлением.

В манифесте провозглашалась поэтапность проведения крестьянской реформы в связи с ее сложностью. Император в деле реализации реформы полагался на «здравый смысл русского народа». В нем указано, что в деле освобождения крестьян важно помнить не только о правах, но и обязанностях поданных.

В манифесте напоминалось о том, что всякий, свободно пользующийся благами общества, должен служить благу общества, выполняя некоторые обязанности. Не утратили актуальности слова манифеста о том, что «самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона». Свободный труд провозглашался залогом домашнего благополучия и блага общества.

Всего в период правления Александра II было издано 107 манифестов¹. Данные манифесты могут быть подразделены по целям их принятия. Прежде всего, с помощью манифестов (41) оповещали население о важных событиях в жизни членов императорской семьи (рождение наследников, обручение, вступление в брак, кончина члена семьи). Ряд манифестов (3) связан лично с императором, его вступлением на престол, коронаванием, использованием его титула и др. Отдельными манифестами отмечалось наступление совершеннолетия Великих князей и факт принесения ими присяги на служение Его Императорскому Величеству и Государству.

Особую группу составляют манифесты о даровании милостей населению. При Александре II манифесты о даровании милостей были приурочены к вступлению императора на престол, его коронации, заключению брака цесаревича и Великого князя Александра Александровича [9, № 43784]. Порядку применения высочайших милостей для различных групп населения посвящены около двух десятков манифестов.

Рекрутские наборы одиннадцать раз, объявляемые манифестами Александра II, его же манифестом были отменены. Введение всеобщей воинской повинности объяснялось в манифесте от 1 января 1874 г. (№ 52983) тем, что защита отечества «становится общим делом народа» без различия званий и состояний. Теперь не допускалась замена лица, призванного к военной службе, другим человеком. Император заявил, что дворянство выразило желание разделить воинскую повинность с другими сословиями в установленном порядке.

Манифестом от 1856 г. населению было объявлено о том, что Россия вышла из состояния войны, а манифестом от 12 апреля 1877 г. извещали о начале войны с Турцией. Военное положение вводилось в Бессарабской губернии, Приморских уездах Херсонской и Таврической губерний и на Крымском полуострове.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

– во-первых, последовательный переход к конституционному государству требовал от власти учета мнения формирующегося гражданского общества. Данная тенденция просматривается в текстах манифестов, которые не только содержат милости от императора, минимизирующие зло от несовершенных государственных порядков, но и разъясняют обществу стратегию государственных преобразований. С этой целью получила распространение практика повсеместного опубликования манифестов;

¹ Данные получены путем подсчета манифестов Александра II, содержащихся в Полном собрании законов Российской империи.

– создание манифестов, имевших высшую юридическую силу, в XIX в. становится отдельным направлением правотворческой деятельности императора. Манифесты дают понимание стратегии государственного развития на период правления и состояния взаимоотношений между властью и обществом. Так, манифест от 26 августа 1856 г. отражает степень общественного недовольства от Крымской войны, компенсировать которое Александру II пришлось небывалыми экономическими послаблениями и юридическими поощрениями. Данный манифест дополнялся еще манифестом и четырьмя высочайшими грамотами со словами искренней благодарности всем сословиям царства Польского, Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерний, Бессарабской области за подвиги, терпение и жертвы Святому Отечеству;

– манифест от 19 февраля 1861 г. закрепил основные начала Крестьянской реформы. Манифест и 17 законодательных актов, конкретизировавших его положения, способствовали консолидации российского общества, оформлению правового статуса свободного российского подданного. Личное освобождение частновладельческих крестьян в период правления Александра II ускорило процесс эмансипации российского народа и стало политико-правовым основанием формирования институтов гражданского общества в России.

Литература

1. Барыкина И. Е. Между самодержавием и автократией (внутренняя политика Российской империи второй половины XIX в.: государственное управление и самодержавная власть). – СПб.: СПб АППО, 2016. – 204 с.

2. Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. – Москва, 1958. – 467 с.

3. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856-1861 гг. – Москва: Изд-во МГУ, 1984. – 256 с.

4. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т.3. Ч.1: Комитет министров в царствование императора Александра II. – СПб., 1902. – С. 358.

5. Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. в России. Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. – Москва: Политиздат, 1991. – 302 с.

6. Логунова М. О. Гендерное прочтение коронационного церемониала Российской империи XVIII в. // Клио. – 2012. – №11 (71). – С. 52-56.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Том 31.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Том 38.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Том 41.

10. Россия под надзором. Отчеты III Отделения 1827–1869 / Составители М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. Российский фонд культуры, Государственный архив Российской Федерации. – Москва, 2006. – 706 с.

11. Шатковская Т.В. Крестьянская реформа 1861 г.: принципы, правовое содержание и последствия (к юбилею Великой реформы) // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – № 4. – С.50-59.

References

1. Barykina I. E. Between autocracy and autocracy (internal policy of the Russian Empire in the second half of the 19th century: public administration and autocratic power). – SPb.: SPb APPO, 2016. – 204 p.

-
2. Zayonchkovsky P. A. Implementation of the peasant reform of 1861. – Moscow, 1958. – 467 p.
 3. Zakharova L. G. Autocracy and the abolition of serfdom in Russia 1856-1861. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 1984. – 256 p.
 4. Historical overview of the activities of the Committee of Ministers. – T.3. Part 1: Committee of Ministers during the reign of Emperor Alexander II. St. Petersburg, 1902. – P. 358.
 5. Litvak B. G. Revolution of 1861. in Russia. Why was the reform alternative not implemented? – Moscow: Politizdat, 1991. – 302 p.
 6. Logunova M. O. Gender reading of the coronation ceremony of the Russian Empire in the 18th century // *Clio*. 2012. – № 11 (71). – pp. 52-56.
 7. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection (1825-1881). Volume 31.
 8. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection (1825-1881). Volume 38.
 9. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection (1825-1881). Volume 41.
 10. Russia is under surveillance. Reports of the III Department 1827-1869 / Compiled by M. V. Sidorova, E. I. Shcherbakova. Russian Cultural Foundation, State Archive of the Russian Federation. – Moscow, 2006. – 706 p.
 11. Shatkovskaya T.V. Peasant reform of 1861: principles, legal content and consequences (to the anniversary of the Great Reform) // *North Caucasian Legal Bulletin*. 2020. No. 4. – P.50-59.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УДК 347.61

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

Д.В. Алонцева, М.С. Несынова, Е.А. Юрина
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Аннотация: *Статья посвящена актуальной в современном мире проблеме – семейного насилия. Данная тема в Российской Федерации носит заметный характер, поскольку бытовое насилие часто перерастает либо к причинению тяжёлых физических увечий или к смерти жертвы, а ответственность за такого рода преступления не закреплена на законодательном уровне.*

Авторами рассмотрены доктринальные точки зрения, касающиеся сущности домашнего насилия, указаны виды насилия и причины его возникновения в семье. Авторами приведена статистическая информация о формах и причинах насилия. Установлено, что наиболее распространёнными формами семейного насилия являются повышение голоса, шантаж и унижение, побои, пощечина, а их причинами являются самозащита, измена или подозрение в измене, «воспитательные меры», реакция на истерики. Определены виды насилия: физическое, психологическое, сексуальное, экономическое. Физическое насилие чаще всего испытывают на себе дети, нежели женщины, так как несовершеннолетние могут быть жертвами обоих родителей. Психологическое насилие воздействует на психику и эмоции партнера путем запугиваний, угроз, оскорблений, криков, осуждений. Сексуальное насилие представляет насильственные действия, которые осуществляются с применением физической силы, угроз, направленные на сексуальную близость мужчины с жертвой, вопреки ее желанию. Экономическое насилие преследует материальное давление, проявляющееся в запрете работать, учиться, вымогании денег, а также полным контролем над доходами.

Установлено, что за нарушение прав ребенка в семье или ненадлежащее исполнение родителями своих обязанностей родители (законные представители) несут юридическую ответственность в виде уголовной ответственности (ст. 156 УК РФ); административной ответственности (статьи 5.35 и 20.22 КоАП РФ); лишения родительских прав (ст. 69 СК РФ); ограничения в родительских правах (ст. 73 СК РФ).

Авторами определен комплекс мер законодательного и информационно-просветительского характера по предупреждению домашнего насилия.

Ключевые слова: *семейное насилие, семья, дети, психологическое насилие, виды насилия, домашнее насилие, физический вред, меры предупреждения преступлений.*

DOI 10.24888/2949-3293-2023-3-3-22-31

FAMILY VIOLENCE AS A SOCIO-LEGAL PHENOMENON

Dina V. Alontseva, Maria S. Nesynova, Elizaveta A. Yurina
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Abstract: *The article is devoted to an urgent problem in the modern world – family violence. This topic is notable in the Russian Federation, since domestic violence often escalates either to causing severe physical injury or to the death of the victim, and responsibility for such crimes is not fixed at the legislative level.*

The authors consider the doctrinal points of view concerning the essence of domestic violence, indicate the types of violence and the causes of its occurrence in the family. The authors provide statistical information on the forms and causes of violence. It has been established that the most common forms of family violence are raising the voice, blackmail and humiliation, beatings, slapping, and their causes are self-defense, treason or suspicion of treason, "educational measures", reaction to tantrums. The types of violence are defined: physical, psychological, sexual, economic. Physical violence is more often experienced by children than by women, since minors can be victims of both parents. Psychological violence affects the psyche and emotions of the partner through intimidation, threats, insults, shouting, condemnations. Sexual violence is violent actions that are carried out with the use of physical force, threats aimed at the sexual intimacy of a man with the victim, against her will. Economic violence pursues material pressure, manifested in the prohibition to work, study, extortion of money, as well as full control over income.

It is established that for violation of the rights of a child in the family or improper performance of their duties by parents, parents (legal representatives) bear legal responsibility in the form of: criminal liability (Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation); administrative liability (Articles 5.35 and 20.22 of the Administrative Code of the Russian Federation); deprivation of parental rights (Article 69 of the IC RF); restrictions in parental rights (Article 73 of the RF IC).

The authors have defined a set of legislative and informational and educational measures to prevent domestic violence.

Keywords: *family violence, family, children, psychological violence, types of violence, domestic violence, physical harm, crime prevention measures.*

Семейное насилие является актуальной проблемой в современном мире и, в значительной степени, детерминирована особенностями культурных архетипов того или иного социума [10]. Данная тема в Российской Федерации носит глобальный характер, поскольку бытовое насилие часто ведет либо к причинению тяжелых физических увечий, либо к смерти жертвы, а ответственность за такого рода преступления не закреплена на законодательном уровне. Актуальность темы подтверждает тот факт, что правовая культура среди населения нашей страны не столь высока, вследствие чего граждане руководствуются «традиционными» методами разрешения семейных конфликтов. К числу таковых можно отнести нанесение физического вреда здоровью, причинение моральных страданий, угроза жизни и здоровью, ненадлежащее исполнение родительских обязанностей и т. д.

Что мы понимаем под семейным насилием? На наш взгляд, насилие в семье – это любая форма проявления давления, будь то эмоционального или физического, одного члена семьи на другого. Если подходить к этой проблеме с доктринальной точки зрения, то можно выделить следующие научные позиции. Так, по мнению Н. Ю. Воло-

совой, домашнее насилие – это система поведения одного члена семьи для установления и сохранения власти и контроля над другими членами семьи [5].

Эту тему также исследовала И. А. Григорьева, которая полагает, что домашнее насилие (семейное насилие) – это любой поведенческий паттерн, целью которого является получение власти и контроля над супругом, партнером, девушкой/парнем или близким членом семьи, при этом используя такие виды насильственных действий, как физическое, экономическое, психологическое и сексуальное [7].

А. Б. Кирюхин дал наиболее развернутое определение данному термину, понимая под ним всякого рода умышленное морально-психологическое воздействие на личность другого человека, сопряженное с нанесением телесных повреждений, физической болью, причинением вреда здоровью различной степени тяжести, при котором возможно использование тех или иных предметов и целью которого является достижение какого-либо результата [8].

Из приведенных выше суждений ученых мы в большей степени разделяем мнение А. Б. Кирюхина о домашнем насилии, поскольку в своем определении он раскрывает суть наиболее распространенного вида насилия, а также указывает, каким образом и с применением чего оно может быть совершено.

Домашнее насилие может возникать из-за различных причин. К ним относятся:

1. Алкогольная или наркотическая зависимость. Алкоголь и наркотики оказывают негативное воздействие на психику человека и являются фактором неадекватного и агрессивного поведения по отношению к другим членам семьи. Нередко бывает так, что зависимостью страдают оба родителя (законного представителя).

2. Материальные трудности. Они могут проявляться в виде нехватки денежных средств на продукты питания, одежду, оплату коммунальных услуг, на приобретение иных товаров, которые необходимы для удовлетворения нужд человека. Это обстоятельство также провоцирует появление домашних конфликтов.

3. Жилищные трудности. В процессе создания семьи люди могут сталкиваться не только с материальными, но и с жилищными проблемами, которые связаны с отсутствием собственного жилья, наличием ипотеки и др. Из-за данной проблемы между членами семьи разгораются конфликты, которые часто переходят в насилие.

4. Неполная семья. Многие люди из-за отсутствия супруга (супруги) испытывают стресс, что непосредственно сказывается на ребенке. Как правило, один родитель не справляется с воспитанием ребенка, в связи с чем прибегает к физическим наказаниям.

5. Самоутверждение за счет слабых. Когда один из членов семьи обладает психологическими проблемами (низкая самооценка, детские травмы), но является сильным физически, он осознает свою «власть», что в последующем порождает насилие.

Таким образом, факторов, которые влияют на возникновение насилия в семье, достаточно количество. Для более детального рассмотрения этого вопроса предлагаем обратиться к статистике на тему домашнего насилия.

Так, обратимся к источнику «Агентство социальной информации», которым был проведен опрос 1200 человек.

Согласно данным, респондентам задали вопрос «Что Вы знаете о домашнем насилии? Сталкивались ли Вы с насилием?». Так, 65% респондентов были свидетелями насилия: 27% слышали крики соседей, 25% были в подобных ситуациях лично, у 20% в семьях знакомых применяют насилие. Чаще всего респонденты сталкивались с психологической словесной агрессией – унижение, критика, угрозы, запрет на общение с

родственниками и друзьями. 35% никогда не сталкивались с насилием и не были его свидетелями ни в своей семье, ни в семьях знакомых [3].

Исходя из статистики, можно сделать вывод о том, что большее количество людей испытывали или были очевидцами домашнего насилия. Это – маркер низкой правовой культуры населения, а также свидетельство несовершенства работы правоохранительных органов в области защиты личных прав граждан.

Респонденты онлайн-опроса от источника «Агентство социальной информации» также ответили, какие формы насилия совершались в семье и причины их совершения. Обратимся к диаграмме.

Диаграмма №1. Форма и причины семейного насилия

Таким образом, наиболее распространенными формами семейного насилия являются повышение голоса, шантаж и унижение, побои, пощечина, а их причинами являются самозащита, измена или подозрение в измене, «воспитательные меры», реакция на истерики и т. п.

Важно понимать, что домашнее насилие над детьми и женщинами может проявляться в различных видах. Ученые выделяют несколько видов насилия: физическое, психологическое, сексуальное и экономическое.

Физическое насилие является самой распространенной формой насилия в семье. Физическое насилие – это прямое негативное воздействие на тело человека (жертву), например, побои, увечья, пощечины и т. п. Во многих случаях физическое насилие несет за собой причинение вреда различной тяжести здоровью.

Физическое насилие чаще всего испытывают на себе дети, нежели женщины, так как несовершеннолетние могут быть жертвами обоих родителей. Родители думают, что физические наказания (избиение ремнем, удары по голове) за плохое поведение, низкую оценку положительно влияют на воспитание детей.

Второй вид насилия – психологическое воздействие на жертву. Психологическое насилие – это форма воздействия на психику и эмоции партнера путем запугиваний, угроз, оскорблений, криков, осуждений и т. п. Данная форма насилия такая же опасная,

как и физическое насилие, так как страдает самооценка личности. С каждым психологическим воздействием жертва все больше сомневается в себе.

Оскорбления, запугивание, плохое обращение, запрет на выполнение действий – все это в психологии получило наименование абьюза.

Третий вид – сексуальное насилие. Сексуально насилие – это насильственные действия, которые осуществляются с применением физической силы, угроз, направленные на сексуальную близость мужчины с жертвой, вопреки ее желанию. Сексуальное насилие подразумевает под собой принуждение к сексу, разновидностью чего является изнасилование.

Жертвами сексуального насилия часто являются дети. Это происходит чаще всего в тех семьях, в которых есть отчимы или мачехи. Пытаясь подчинить себе неродного ребенка, последние применяют сексуальное воздействие.

К такому виду насилия можно отнести принуждение ребенка к половому акту, демонстрации половых органов, порнографических фильмов, вовлечение детей в проституцию. Самой жестокой формой сексуального насилия является incest – сексуальная связь с близкими родственниками, и эбьюз – сексуальная связь непосредственно с матерью или отцом.

Хотелось бы обратиться к статистическим данным Генпрокуратуры Российской Федерации. По данным Генпрокуратуры, в 2010 году в России было совершено 9524 преступления сексуального характера в отношении детей — в 2021-м это число увеличилось до 16 887 случаев. Также отмечается, что более 50% таких преступлений совершаются знакомым ребенку лицом, каждое пятое — членами семьи, 11% — родителями или законными представителями. Поэтому, мы можем отметить, что количество преступлений сексуального характера в отношении детей в России выросло с 2010 года на 44% [6].

Четвертый вид – экономическое насилие, под которым понимается материальное давление, проявляющееся в запрете работать, учиться, вымогании денег, а также стремление к получению полного контроля над доходами.

Экономическое насилие в отношении ребенка является особенно опасным, поскольку его следствием может стать физический или эмоциональный вред различной степени тяжести, что, в свою очередь, может привести к серьезной травме или даже к смерти. В таком случае экономическое насилие ярко проявляется через такую категорию как пренебрежение – хроническую неспособность родителей или лиц, осуществляющих уход, обеспечить основные потребности ребенка в соответствующем ему возрасте заботе, в пище, одежде, жилье, медицинском уходе, образовании, защите [13].

Таким образом, все виды домашнего насилия имеют серьезные последствия. Особенно сильное воздействие оказывается на детей, которые являются самыми слабыми членами семьи, которые не могут сами себя защитить.

Какая же ответственность предусматривается за нарушения прав ребенка?

За нарушение прав ребенка в семье или ненадлежащее исполнение родителями своих обязанностей, родители (законные представители) несут юридическую ответственность в виде: уголовной ответственности (ст. 156 УК РФ); административной ответственности (статьи 5.35 и 20.22 КоАП РФ); лишения родительских прав (ст. 69 СК РФ); ограничения в родительских правах (ст. 73 СК РФ).

Уголовная ответственность может быть применена к нарушителю, если установлен факт жестокого обращения с детьми или причинение им физического и морального вреда, оставление детей в опасных для их жизни и здоровья условиях.

Административное наказание может быть применено в случае, если родителями (опекунами) игнорируются интересы ребенка или в какой-то степени ущемляются их права.

Лишение или ограничение родительских прав будет произведено в тех случаях, когда установлен конкретный факт, что родители не исполняют свои обязанности в полной мере или злоупотребляют ими.

Чтобы подробнее разобраться в данной проблеме, предлагаем обратиться к судебной практике. Так, районный суд Архангельской области рассмотрел уголовное дело в отношении ФИО-1, женатого, имеющего на иждивении двоих малолетних детей, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п.«г» ч.2 ст. 117 УК РФ «Истязание», ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего».

Суд установил: ФИО-1 совершил истязание, то есть причинение физических страданий путем систематического нанесения побоев в отношении несовершеннолетнего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии и материальной и иной зависимости от виновного, а также неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем, на которого возложены эти обязанности, соединенное с жестоким обращением с несовершеннолетним.

ФИО-1 в период с февраля 2019 года по апрель 2019 года включительно, действуя из ложного представления о методах воспитания, полагая приемлемым использовать в качестве таковых систематические телесные наказания, сопряженные с причинением малолетнему ребенку ощутимой физической боли, желая посредством подобных методов воспитательного воздействия полностью подчинить себе волю и принудить беспрекословно исполнять его требования и совершать только те действия, которые продиктованы волей самого ФИО-1, умышленно, заведомо зная о малолетнем возрасте своего сына (Потерпевший №1), осознавая то, что в силу своего малолетнего возраста он лишен возможности оказать ему сопротивление, то есть находится в беспомощном состоянии, а в силу характера семейных отношений находится в подчинении родителей, действуя на почве личных неприязненных отношений и ложно понятых методов воспитания детей, используя малозначительный повод, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, с целью причинения физических и психических страданий, совершил в отношении своего сына истязание путем систематического причинения побоев и постоянного нагнетания страха подверженности физическому насилию, при следующих обстоятельствах.

Так, он в один из дней февраля 2019 года в течение трех часов, действуя умышленно, осознавая общественно опасный характер своих действий, предвидя возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения Потерпевшему №1 психических и физических страданий, будучи недовольным тем, что Потерпевший №1 отказался помогать стирать белье, в присутствии матери ФИО-2, нанес Потерпевшему №1 с силой **не менее 4 ударов** ладонью своей руки по ягодицам, причинив своими действиями последнему физическую боль и психические страдания.

Он же в один из дней марта 2019 года, действуя умышленно, осознавая общественно опасный характер своих действий, будучи недовольным плохой успеваемостью Потерпевшего №1 в школе, нанес последнему с силой **не менее 5 ударов** ладонью своей руки по ягодицам, причинив своими действиями Потерпевшему №1 физическую боль и психические страдания, обусловленные его переживаниями по поводу того, что ФИО-1, которого он воспринимал как отца и защитника, проявляет в отношении него

нелюбовь, агрессию и злобу, после чего тут же поставил Потерпевшего №1 в угол одной из комнат указанной квартиры на длительное время.

Он же, в один из дней апреля 2019 года, действуя умышленно, осознавая общественно опасный характер своих действий, будучи недовольным незначительной ссорой Потерпевшего №1 с малолетней сестрой ФИО-3, в присутствии матери ФИО-2 и малолетней ФИО-3, нанес Потерпевшему №1 с силой **не менее 7 ударов** ладонью своей руки по ягодицам, причинив своими действиями Потерпевшему №1 физическую боль и психические страдания.

Суд приговорил: ФИО-1 признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных п.«г» ч.2 ст.117 УК РФ, ст.156 УК РФ и назначить ему наказание:

1. по п.«г» ч.2 ст.117 УК РФ к 03 годам лишения свободы,

2. по ст.156 УК РФ к 01 году исправительных работ с удержанием 5 % заработной платы ежемесячно в доход государства.

На основании ч.3 ст.69 УК РФ, п. «в» ч.1 ст.71 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний окончательное наказание ФИО-1 назначить в виде 03 лет 01 месяца лишения свободы.

А также взыскать с ФИО-1 в пользу Потерпевшего №1 компенсацию морального вреда, причиненного преступлением, в размере 10000 (десяти тысяч) рублей.

Исходя из судебной практики, мы можем наблюдать, как совершается домашнее насилие, как происходит судебное разбирательство. Кроме того, мы видим, какие меры ответственности могут назначаться виновному за совершение подобных преступлений в отношении детей.

Однако в нашей стране отсутствуют нормативно-правовые акты, регулирующие домашнее насилие в отношении женщин и предусматривающие за эту определенную ответственность. Анализируя зарубежное законодательство, можем отметить, что в ряде стран уже существуют отдельные законы о бытовом насилии.

Так, в Великобритании действует Закон о семейном праве, который содержит ч. 4, посвященную вопросам домашнего насилия. В ней закрепляется правило, согласно которому, лицо, подвергшееся противоправным действиям, вправе обратиться с заявлением в суд, который может принять решение об издании того или иного запретительного приказа: «о запрете досаждения», запрете насилия или приказа о правилах проживания. Данные гражданские средства судебной защиты позволяют обезопасить жертв домашнего насилия, ограничив ту или иную сторону семейной жизни [4].

В Китайской Народной Республике до 2016 года не было отдельного акта, посвященного борьбе с домашним насилием. Лишь в 2016 году появляется закон, который получил название «О борьбе с бытовым насилием» [9]. Первая статья закона устанавливает, что он принят с целью предотвращения и пресечения бытового насилия, защиты законных прав и интересов членов семьи, поддержания равенства, гармоничных и цивилизованных семейных отношений, а также содействия семейной гармонии и социальной стабильности.

Несмотря на то, что в Российской Федерации не закреплена ответственность на законодательном уровне за преступления, связанные с семейным насилием, каждой пострадавшей женщине гарантируется помощь как психологическая, так и юридическая бесплатно.

Например, в нашей стране активно развиваются Кризисные центры помощи детям и женщинам – государственные социальные учреждения, в которых оказывают помощь людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации или подвергшимся психологическому насилию. В Кризисных центрах предоставляют бесплатно проживание, питание, обеспечивают полную реабилитацию и адаптацию в обществе и семье, профи-

лактику насилия в семье над женщинами и детьми. В центрах работают психологи, психотерапевты, юристы, которые помогают решить определенные проблемы, справиться с ними. К сожалению, многие женщины не могут самостоятельно осознать свои иррациональные страхи, которые мешают сделать им шаг вперед к безопасной жизни. Если жертва домашнего насилия пожелает привлечь обидчика к уголовной ответственности, то Кризисный центр может быть представителем в суде.

Кроме Кризисных центров в РФ действует единый Всероссийский бесплатный телефон доверия для женщин, подвергшихся домашнему насилию. Позвонив по данному номеру, женщина может получить психологическую, юридическую помощь. Операторы могут подсказать, куда стоит обратиться в случае физического насилия, чтобы зафиксировать телесные повреждения и т. п.

Также существует Единый телефон доверия для детей, подростков и родителей. Суть детского телефона доверия заключается в том, чтобы дети, их родители или равнодушные к беде ребенка люди получили вовремя квалифицированную психологическую помощь.

Разумеется, меры поддержки никак не «накажут» виновного. Поэтому, по нашему мнению, существует острая необходимость в принятии соответствующих законодательных норм. Мы предлагаем принять следующие меры:

1. В настоящее время нанесение легких телесных повреждений наказывается штрафом (пять тысяч рублей) или исправительными работами на срок до четырнадцати дней, если человек привлекается впервые. Мы считаем, что необходимо ужесточить меры ответственности, так как они не предупреждают совершение преступления, носят незначительный характер. Неэффективность этого вида наказания признал глава МВД Владимир Колокольцев. «Более чем в 70 % случаев по административным делам о побоях судами принимаются решения о назначении штрафа, что не в полной мере отвечает целям наказания. Зачастую данная мера не является серьезным сдерживающим фактором, а когда речь идет о близких людях — накладывает на семью еще и дополнительную финансовую нагрузку», — цитирует его слова пресс-служба МВД [12].

2. Повысить бдительность сотрудников правоохранительных органов по отношению к преступлениям, связанным с домашним насилием. Чаще всего полицейские не принимают заявления от женщин, подвергшихся насилию, считая это «бытовым конфликтом». Также распространены случаи, когда сотрудники правоохранительных органов не приезжают на вызовы женщин.

3. Проводить профилактику среди женщин и несовершеннолетних, распространяя информацию о том, что в случаях семейного насилия необходимо обращаться в правоохранительные органы, а не бояться и молчать.

4. Выступать в средствах массовой информации, на собраниях граждан по месту жительства по вопросам профилактики семейно-бытовых правонарушений, с разъяснением действующего законодательства (как уголовного, так и административного), предусматривающего ответственность за их совершение. Можно увеличить количество социальной рекламы в журналах, на телевидении, на радио, которые будут распространять информацию о гражданских правах членов семьи, о проблемах в семейных взаимоотношениях.

Таким образом, принятие соответствующих мер поддержки лиц, подвергшихся домашнему насилию, станет гарантией здорового развития нашего общества на многие годы.

В заключение отметим, что домашнее насилие – явление, которое нельзя оправдать ни с точки зрения права, ни с позиций морали. Широкая распространенность, общественная опасность такого рода преступлений, а также попытки их оправдания в

обществе соображениями религии и религиозной этики [11] требуют внесения поправок в уголовное законодательство Российской Федерации, которые будут направлены на искоренение семейного насилия.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. 2023. <https://www.consultant.ru/>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. 2023. <https://www.consultant.ru/>
3. Агентство социальной информации // 2022. <https://www.asi.org.ru/news/2022/11/25/47-rossiyan-schitayut-cto-nikakie-postupki-ne-dolzhen-opravdyvat-nasilie/>
4. Великобритания. Законы. Family Law Act 1996. // 1996. https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/27/pdfs/ukpga_19960027_en.pdf
5. Волосова Н.Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – №3. – С. 310-319.
6. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Официальный сайт. <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf>
7. Григорьева И.А. Социальная работа с семьей: учебное пособие для академического бакалавриата. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 149 с.
8. Кирюхин А.Б. К вопросу о терминологии насилия // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2015. – № 4. – С. 26-30.
9. КНР. Законы. Закон о борьбе с бытовым насилием Китая. 2015. http://www.npc.gov.cn/npc/xinw-en/2015-12/28/content_1957457.
10. Новиков О.А. Религиозное обоснование права и идея прав человека // Право и политика. – 2010. – № 6. – С. 822-824.
11. Новиков О.А. Цивилизационный выбор России и идея теократии // Право и политика. – 2010. – № 11. – С. 2029-2036.
12. Пресс-центр МВД РФ. Официальный сайт 2023. <https://мвд.рф/contacts/presscenter>
13. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Экономическое насилие в семье: формы, индикаторы, последствия, профилактика // Научное обозрение. – Серия 2: Гуманитарные науки. – № 1. – 2021. – С. 53-64.

Referens

1. The Family Code of the Russian Federation" dated 29.12.1995 N 223-FZ (ed. dated 31.07.2023) // Consultant Plus: legal reference system. 2023. <https://www.consultant.ru/>
 2. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 N 63-FZ (ed. from 04.08.2023) // Consultant Plus: legal reference system. 2023. <https://www.consultant.ru/>
 3. Social Information Agency // 2022. <https://www.asi.org.ru/news/2022/11/25/47-rossiyan-schitayut-cto-nikakie-postupki-ne-dolzhen-opravdyvat-nasilie/>
 4. Great Britain. Laws. Family Law Act 1996. // 1996. https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/27/pdfs/ukpga_19960027_en.pdf
 5. Volosova N.Yu. Family (domestic) violence as an interdisciplinary problem // Issues of Russian and international law. – 2017. – Vol. 7. – № 3. – pp. 310-319.
-

-
6. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2021. <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf>
 7. Grigorieva I.A. Social work with the family: a textbook for academic bachelor's degree. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. – 149 p.
 8. Kiryukhin A.B. On the terminology of violence // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – № 4. – pp. 26-30.
 9. PRC. Laws. China's Domestic Violence Law. // 2015. http://www.npc.gov.cn/npc/xinw-en/2015-12/28/content_1957457.
 10. Press Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // 2023. <https://мвд.рф/contacts/presscenter>
 11. Rostovskaya T.K., Bezverbnaya N.A. Economic violence in the family: forms, indicators, consequences, prevention // Scientific review. – Series 2: Humanities. – № 1. – 2021. – pp. 53-64.

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАДЗОРА И КОНТРОЛЯ НА РЫНКЕ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

В.В. Мирончуковская*, К.П. Иншакова*, И.О. Надточий**

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец, Россия)

**Воронежская академия спорта
(Воронеж, Россия)

Аннотация. В статье поднимается проблема разграничения контрольно - надзорных полномочий между государством в лице Центрального банка Российской Федерации и саморегулируемых организаций, действующих на рынке финансовых услуг. Актуальность статьи обусловлена основной целью деятельности саморегулируемой организации – это развитие финансового рынка Российской Федерации, содействие созданию условий для эффективного функционирования финансовой системы Российской Федерации и обеспечения её стабильности. Целью статьи является рассмотрение и сравнение видов контрольно-надзорных полномочий саморегулируемой организации и Банка России. В ходе анализа материала были сделаны выводы о необходимости разделения контрольных полномочий саморегулируемой организации на два вида: закреплённые на постоянной основе и делегируемые Банком России на временной. По итогам рассмотренной проблемы предлагается более активно воплощать в практику потенциальные правовые возможности по контролю за деятельностью финансовых организаций со стороны саморегулируемой организации. Это возможно реализовать за счёт наделения последних делегируемым полномочием – правом на проведение проверки своих членов – участников такой организации. Для получения результатов, сделанных в статье применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.

Ключевые слова: саморегулируемые организации, финансовые рынки, финансовые услуги, Банк России, контрольно-надзорные полномочия, саморегулирование.

DOI 10.24888/2949-3293-2023-3-3-32-40

ISSUES OF DIFFERENTIATION OF POWERS OF STATE REGULATION AND SELF-REGULATION IN THE FIELD OF SUPERVISION AND CONTROL IN THE FINANCIAL SERVICES MARKET

Victoria V. Mironchukovskaya*, Xenia P. Inshakova*, Igor O. Nadtochiy**

*Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

**Voronezh Academy of Sports
(Voronezh, Russia)

Abstract. The article raises the problem of differentiation of control and supervisory powers between the state represented by the Central Bank of the Russian Federation and a self-regulatory organization operating in the financial services market. The relevance of the article is due to the main purpose of the self-regulatory organization - the development of the financial market of the Russian Federation, assistance in creating conditions for the effective

functioning of the financial system of the Russian Federation and ensuring its stability. Attention is drawn to the fact that the financial services market is a complex segment of the economy, where consumers of services need qualified legal assistance, and participants – financial organizations, need to represent their collective interests before government agencies, the need to lobby for favorable legal positions and the suppression of draft regulations that worsen their situation, as well as establishing ties with professional international organizations. subjects of law in their field of activity.

Keywords: *self-regulating organizations, financial markets, financial services, Bank of Russia, control and supervisory powers, self-regulation.*

13 июля 2015 года в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (далее, ФЗ № 223) [15], которым устанавливался порядок регулирования отношений в сфере возникновения и прекращения деятельности, а также правового статуса нового субъекта права – саморегулируемой организации, функционирующей на рынках финансовых услуг. К тому времени в государстве с 16 ноября 2007 года уже действовал Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» [16], которые были созданы как эффективное средство контроля за деятельностью участников рынка в различных секторах экономики с целью повышения качества предоставляемых ими услуг, изготовления товаров (строительная, арбитражная, аудиторская, оценочная, рекламная и другие виды саморегулируемых организаций) и которые выполняли роль представителей корпоративных интересов отдельной части общества (предприниматели и профессиональные участники рынка различных услуг) и государственных органов. Кроме этого, одной из основных задач саморегулируемых организаций являлась выработка стандартов, определяющих требования, предъявляемые к профессиональным сообществам в отношении предоставляемых ими услуг, товаров, работ; проверка соответствия данным стандартам и повышение квалификации профессиональных участников в связи со стремительно развивающимися во всех сферах экономики технологий и нововведений.

Рынок финансовых услуг представляет собой тот сложный сегмент экономики, где участники таких услуг (прежде всего, потребители) нуждаются в квалифицированной правовой помощи, повышении уровня финансовой грамотности, возможности быстро урегулирования спорных или конфликтных ситуаций. Да и сами участники – финансовые организации, осуществляющие на таком рынке услуги, также нуждаются в представлении своих коллективных (корпоративных) интересов перед государственными структурами, необходимости лоббирования выгодных правовых позиций и пресечения проектов нормативных актов, ухудшающих их положение, налаживании связей с профессиональными международными субъектами права в их сфере и др., то есть им нужен единый коллегиальный орган, который бы смог унифицировать их правовые интересы в единую и согласованную всеми или большинством участников концепцию. Будучи разрозненными, пусть и в большинстве – участникам рынков финансовых услуг будет сложно достигать данные задачи. Поэтому в Стратегии развития финансового рынка на период до 2020 года [14] верно было указано, что «с количественным ростом и качественным усложнением финансового рынка возникает объективная потребность в развитии функций саморегулирования, для чего необходимо повышение эффективности взаимодействия саморегулируемых организаций и государственных органов». Функцию саморегулирования в сфере функционирования рынков финансовых услуг взяли на себя саморегулируемые организации. Эта позиция законодателя является актуальной и на данный момент времени, так как в существовании саморегулируемой организации по каждому виду финансовой услуги заинтересованы все

участники рынка таких услуг. Актуальность статьи можно также подтвердить и п. 1 ст. 2 ФЗ - № 223, где закреплены цели деятельности саморегулируемых организаций - «развитие финансового рынка Российской Федерации, содействие созданию условий для эффективного функционирования финансовой системы Российской Федерации и обеспечения её стабильности».

Суть саморегулирования в правоотношениях, складывающихся в сфере финансового рынка, является по своей сути, самостоятельной и инициативной, направленной не только на защиту прав и интересов участников – членов саморегулируемой организации, но и на осуществление контрольно-надзорных функций за их деятельностью. Саморегулируемая организация, действующая на рынке финансовых услуг, должна быть основана на членстве и объединении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих следующие виды деятельности: 1) брокеров; 2) дилеров; 3) управляющих; 4) депозитариев; 5) регистраторов; 6) акционерных инвестиционных фондов и управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов; 7) специализированных депозитариев; 8) негосударственных пенсионных фондов; 9) страховых организаций; 10) страховых брокеров; 11) обществ взаимного страхования; 12) микрофинансовых организаций; 13) кредитных потребительских кооперативов; 14) жилищных накопительных кооперативов; 15) сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов; 16) форекс – дилеров. Всех этих субъектов права объединяет общий признак – они действуют на финансовых рынках и предоставляют финансовые услуги, то есть имеют отношение к собственности (денежным средствам) физических и юридических лиц. А это означает, что за такой деятельностью в обязательном порядке необходим повышенный уровень контроля как со стороны государственных органов, так и саморегулируемых организаций. Потому что именно контроль выступает гарантией надёжности и стабильности существования рынка финансовых услуг в государстве, ведь он основан, в первую очередь, на факторе доверия со стороны потребителей его услуг. И если уровень доверия будет крайне низким – функционирование финансового рынка будет под угрозой.

Следует сказать, что статус саморегулируемой организации может быть присвоен в отношении одного или нескольких видов деятельности финансовых организаций. Например, в отношении страховых организаций и страховых брокеров в Российской Федерации действует Всероссийский Союз страховиков и единая саморегулируемая организация страховых брокеров «Ассоциация профессиональных страховых брокеров (АПСБ)»; интересы финансовых организаций - негосударственных пенсионных фондов представляет саморегулируемая организация Национальная ассоциация негосударственных пенсионных фондов (НАПФ); в отношении жилищных накопительных кооперативов действует «саморегулируемая организация в сфере финансового рынка, объединяющей жилищные накопительные кооперативы» и пр.

Законодательство наделяет саморегулируемые организации достаточно широкими полномочиями, которые проистекают из целей их деятельности - реализация экономической инициативы членов саморегулируемой организации; защита и представление интересов своих членов в Банке России, федеральных органах исполнительной власти, органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, международных организациях; разработка стандартов деятельности финансовых организаций; контроль и надзор за соблюдением требований законодательства, внутренних локальных актов [15]. Исходя из указанных в законе целей можно разделить все полномочия саморегулируемых организаций, действующих на финансовых рынках на две группы – регулятивные и контрольные. Первые направлены

на упорядочение и регулирование правил и стандартов деятельности участников – членов организации. Сюда относится разработка базовых и внутренних стандартов совершения операций совершения финансовых операций при предоставлении услуги; выработка предложений о направлениях развития финансовых организаций; взаимодействие по вопросам деятельности финансовых организаций с научными, образовательными, международными организациями; осуществление экспертизы проектов федеральных законов и нормативных актов Банка России, регулирующих отношения на рынке финансовых услуг; установление требований к финансовым организациям, являющимся кандидатами в члены саморегулируемой организации; ведение реестра членов саморегулируемой организации; определение критериев к профессиональному уровню и компетентности лиц, работающих в сфере предоставления финансовых услуг и периодичности прохождения ими повышения квалификации и пр.

Гораздо больший интерес в правовой науке вызывает вопрос контрольно-надзорных полномочий саморегулируемых организаций, работающих на рынке финансовых услуг. В статье уже упоминалось о необходимости функционирования на финансовом рынке саморегулируемых организаций (далее, СРО). Но они не должны существовать как простая формальность, которая лишь в качестве «декорации» объединяет отдельный финансовый сегмент рынка внутри страны или представляет его на международных площадках. Этого недостаточно. Создание нового субъекта права должно означать наделение его теми функциями, которые не могут быть возложены на другого участника правоотношений в этой правовой сфере. А для этого субъект права должен наделяться не только регулятивными полномочиями, а и контрольными, чтобы иметь в своём правовом арсенале действенные инструменты (методы) воздействия и обеспечения достижения целей, определённых ФЗ – № 223, основной из которых является создание условий для эффективного функционирования финансовой системы Российской Федерации и обеспечения её стабильности (в данном контексте можно говорить и о обеспечении финансовой безопасности государства).

По вопросу распределения контрольно-надзорных полномочий между государственными органами (в случае с финансовыми рынками – это в основном Центральный Банк РФ) и СРО в правовой науке сложились неоднозначные позиции. Некоторые учёные настаивают на осторожном и взвешенном наделении финансовых СРО контрольно-надзорными полномочиями, по сути являющимися властными, с учётом всё же большей роли государства. Другие придерживаются позиции расширения контрольных функций СРО, приводя свои обоснованные доводы и аргументы. Остановимся на них детальнее. Так, А. Ю. Рыбкова, анализируя вышеуказанную проблему на примере страховых СРО, верно отмечает, что «СРО не может (не должна) ограничить или заменить государственный страховой контроль и надзор, так как не обладает достаточными финансовыми ресурсами, а также имеет высокий риск осуществления деятельности в интересах собственных членов» [10, с. 233]. Е. Н. Пастушенко и Л. Н. Земцова, подчёркивая государственно-властную юридическую природу развития финансового рынка, также отдают приоритет «публично-правовым особенностям финансово-правового регулирования» [5, с. 36-38]. Е. Г. Писарева также обращает внимание, что «в процессе осуществления финансовой деятельности государства необходимо рациональное соединение самостоятельной воли субъекта, а также государственного регулирования, контроля и надзора» [6, с. 45].

Учёные, занимающие вторую позицию, приводят иные аргументы. А. А. Мартенс, рассматривая проблему перспектив развития саморегулирования на финансовом рынке России, приводит недостатки, кроющиеся именно в слабом контрольном механизме СРО за своими финансовыми участниками: «СРО в российской практике не

применяют серьёзного воздействия к своим участникам при несоответствии их деятельности принципам и стандартам СРО, что в свою очередь, никаким образом не влияет на их репутацию» [3, с. 87- 90]. Е. А. Павлодский, И. В. Рукавишникова, С. В. Рыбакова и О. В. Тагашева делают следующий общий вывод: «При осуществлении императивного метода правового регулирования особое значение приобретает элемент возможного и необходимого «перенесения» части государственно-властной компетенции на физических лиц и организаций, которые не являются государственными органами власти (СРО)» [4, с. 36-41; 7, с. 12; 9, с. 23-29; 12, с. 21]. Е. Ю. Грачёва также верно обращает внимание на тот факт, что «с помощью финансов может реализовываться саморегулирование» [2, с. 59-76], то есть, финансы как категория публичной отрасли права вполне может распространяться на диспозитивные институты и правоотношения, что и имеет место в случае с наделением СРО контрольно-надзорными полномочиями. Справедливым и интересным является вывод О. В. Болтиновой, отметившей, что «в настоящее время происходит расширение границ финансового контроля. Такому расширению способствует включение саморегулируемой страховой деятельности, саморегулируемой аудиторской деятельности, а также иных категорий в данный публично-правовой инструмент» [1, с. 40]. Аналогичных позиций придерживаются и другие учёные [11, с. 240] [8, с. 110], [18, с. 294].

Обосновывая данные позиции уважаемых учёных, следует сказать, что проблема, рассматриваемая ими, является, безусловно, сложной и в некотором роде противоречивой. Отсюда и такие разные и вместе с тем, каждые по - своему обоснованные выводы и доказательства. Определяясь со своей позицией, автор склоняется в сторону учёных, делающих выводы о придании большей самостоятельности СРО в вопросах контрольно-надзорных полномочий на рынке финансовых услуг. Во-первых, закон № 223 наделяет СРО необходимыми регулятивными полномочиями по упорядочению деятельности финансовых организаций каждого в своей сфере (эти полномочия ранее упоминались). Для обеспечения их исполнения необходим жёсткий элемент контроля и надзора, иначе непосредственное выполнение правил, установленных СРО для своих участников, превратится в простую «фикцию» на бумаге. Во-вторых, делегирование части (только части) контрольно-властных полномочий СРО снимет нагрузку с деятельности Банка России, как органа, который был создан с иной целью, обозначенной в Конституции Российской Федерации, а не исключительно с целью осуществления контроля и надзора за деятельностью участников, предоставляющих финансовые услуги. В- третьих, именно СРО как субъект, организующий и определяющий правила взаимодействия финансовых организаций в своём сегменте финансового рынка, «знает» все сложности, проблемы и особенности, возникающие при его функционировании и между его участниками, а значит, имеет возможность, более динамично реагировать на них, а не ожидать соответствующих императивов от Банка России. И в-четвёртых, по нашему мнению, на рынке финансовых услуг в настоящее время идёт процесс объективного его расширения и развития. А значит, должны расширяться и функции его организатора и регулятора. К финансовым услугам, в рамках сегодняшней нестабильной и непредсказуемой финансовой ситуации, начинают прибегать всё больше и больше физических и юридических лиц, желающих застраховать, увеличить, сохранить, гарантированно передать в будущем свои денежные средства, что вынуждает их обращаться к услугам финансовых организаций. СРО, как представители таких организаций, хотя и являются по своей сути субъектами гражданского права (это добровольные некоммерческие объединения, создаваемые в соответствии с нормами гражданского законодательства), тем не менее сразу после регистрации входят в круг публичных финансовых правоотношений, где одним из их основных полномочий становится создание условий

для эффективного функционирования финансовой системы Российской Федерации и обеспечения её стабильности. Иными словами, они должны контролировать соблюдение финансовых нормативов и правил участниками рынка финансовых услуг. Контроль за денежными операциями и операциями с активами объективно предполагает наделение соответствующего субъекта права контрольно-надзорными полномочиями. Иначе эффект от этой деятельности будет сведён к нулю. При этом мы полностью поддерживаем и позицию учёных, которые говорят о передаче СРО только части таких полномочий. Безусловно, СРО не может заменить контроль со стороны Банка России, как государственный вид контроля, но ограничить – можно. Тем более, что и сама СРО является объектом контроля со стороны Банка России.

Анализ законодательства в части разграничения контрольно-надзорных полномочий между СРО и Банком России позволяет разделить такие полномочия СРО на два вида. Первый – закреплённые на постоянной основе и второй – делегируемые (они же временные, передаваемые на определённый срок). К первым относятся – предъявление требований об обязательном устранении членом СРО выявленных нарушений в установленные сроки; вынесение члену СРО предупреждения в письменной форме; наложение штрафа на члена СРО в размере, установленном внутренними документами СРО; исключение из членов СРО. Последнее полномочие представляется достаточно серьёзным по сравнению с предыдущими, так как исключение из членов СРО влечёт за собой аннулирование лицензии, выданной банком России, на право оказания соответствующей финансовой услуги (членство финансовых организаций в СРО является обязательным). Ко вторым относятся полномочия по получению от членов СРО отчетности, перечень которой устанавливается Банком России, обработке персональных данных о участниках – членах СРО. Передача таких полномочий предусматривает соответствующую процедуру. Эти делегированные полномочия хотя и являются важными, но носят больше процедурный характер. Однако закон предусматривает и возможность передачи иных, на усмотрение Банка России, полномочий, если в этом есть необходимость. То есть, потенциальные механизмы расширения контрольно-надзорных полномочий СРО в законе прописаны, но не детализированы. Какие же это могут быть полномочия? В соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 г. № 86 – ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)», п. 9.2. ст. 4 Банк России осуществляет регулирование, контроль и надзор в сфере оказания профессиональных услуг на финансовом рынке [17]. Более детально механизм реализации ст. 4 в форме проверок прописан в соответствующих Инструкциях и Указаниях Банка России [13]. Самая серьёзная мера ответственности, которую может применить Банк России к нарушителю – финансовой организации – это принятие решения об отзыве (аннулировании) лицензии или об исключении финансовой организации из Реестра финансовых организаций её вида.

По нашему мнению, полномочия по проведению проверок деятельности финансовых организаций по вопросу соблюдения ими норм законодательства является сугубо государственным контрольным полномочиём, неотделимым от правового статуса Банка России. Но такое полномочие должно носить и делегируемый характер, то есть Банк России совместно с СРО может принять решение о временной передаче полномочий по проведению проверок поднадзорных участников финансового рынка непосредственно СРО. Таким образом, первым контролирующим субъектом будет выступать сама СРО. Если в результате проверки будут выявлены нарушения финансово-контрольного законодательства и требования по его устранению будут выполнены в срок, то у финансовой организации появится возможность сохранить себя как участника на рынке финансовых услуг, так как СРО не имеет полномочий на отзыв лицензии или исключения из

соответствующего Реестра. В свою очередь, СРО отчитается о таких проверках перед ЦБ РФ. Если же такую проверку будет проводить напрямую Банк России, то в отдельных случаях финансовая организация может лишиться лицензии, или быть исключённой из Реестра финансовых организаций её вида, что означает её ликвидацию как субъекта по данному виду деятельности. Передача права на проверку СРО повысила бы и качество защиты финансовых прав потребителей финансовых услуг. Ведь потребителю проще обратиться с жалобой на финансовую организацию не в Банк России, а в СРО, которая непосредственно для этого и создавалась, что позволит урегулировать спорный вопрос в более короткие сроки и инициировать проверку организации, нарушившей право потребителя.

Подводя итог рассмотренной проблемы, необходимо сказать, что СРО в настоящее время наделены соответствующими контрольно-надзорными полномочиями на рынке финансовых услуг и некоторые из них влекут достаточно серьёзные юридические последствия – исключение из членов СРО. Однако возможности для их расширения законодательством предусмотрены и должны более активно воплощаться в практику. Речь идёт о временном делегируемом полномочии – передаче СРО права на проведение проверки своих членов – финансовых организаций. Это усилит воздействие на соблюдение финансовыми организациями установленных норм и правил в сфере финансовых рынков, снимет нагрузку с деятельности Банка России, увеличит гарантии соблюдения финансовых прав потребителей на рынках финансовых услуг и упростит процедуры урегулирования споров между субъектами правоотношений, функционирующих на финансовых рынках.

Литература

1. Болтинова О. В. К вопросу о государственном финансовом контроле в Российской Федерации // Финансовое право и управление. – 2013. – № 2. – С. 39-45.
2. Грачёва Е. Ю. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы / отв. ред. Е. Ю. Грачёва. – Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
3. Мартенс А. А. Перспективы развития саморегулирования на финансовом рынке России // Проблемы учёта и финансов. – 2015. – № 3 (19). – С. 85-94.
4. Павлодский Е. А. Саморегулируемые организации в России // Журнал Российского права. – 2009. – № 1. – С. 36-42.
5. Пастушенко Е. Н., Земцова Л. Н. Актуальные вопросы финансово-правового регулирования регулирования финансового рынка // Информационная безопасность регионов. – 2016. – № 3 (24). – С. 20-53.
6. Писарева Е. Г. Значение контроля за деятельностью государственных учреждений (административно и финансово-правовые аспекты) // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 4 (30). – С. 43-49.
7. Рукавишников И. В. Метод финансового права: автореф. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2004. – 50 с.
8. Румянцева Э. С. Проблемы финансового контроля в Российской Федерации // Молодая наука – 2023: сборник материалов 14 национальной научно-практической конференции. – Ярославль: Образовательная организация высшего образования (частное учреждение), «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)). – 2023. – 374 с. (С. 108-111).
9. Рыбакова С.В. Публичный финансовый контроль и надзор // Финансовое право. – 2014. – № 12. – С. 23-29.

10. Рыбкова А. Ю. Особенности финансово-правового регулирования страхового контроля и надзора, осуществляемого саморегулируемой организацией на финансовом рынке // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 1 (120). – С. 228-235.

11. Скок А. Я. Виды саморегулируемых организаций как участников финансовых правоотношений // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 1. – С. 238- 245.

12. Тагашева О. В. Финансовый контроль в сфере рынка ценных бумаг (финансово-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 26 с.

13. О порядке проведения банком России проверок поднадзорных лиц» Инструкция Банка России от 15.01.2020 №202- И; Об организации инспекционной деятельности Центральным банком Российской Федерации в отношении некредитных финансовых организаций и саморегулируемых организаций некредитных финансовых организаций: Инструкция Банка России от 01.09.2011 № 156 – И; О содержании, формах, порядке и сроках составления и представления в Банк России отчётности саморегулируемой организации в сфере финансового рынка: Указание Банка России от 21.09. 2022 № 6245 – У // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».

14. Распоряжение Правительства РФ «Стратегия развития финансового рынка на период до 2020 года» от 29.12.2008 г. № 2043 – р // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».

15. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 13.07.2015 №223- ФЗ // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».

16. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 16.11. 2007 № 315 – ФЗ // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».

17. Федеральный закон «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2022 № 86- ФЗ // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».

18. Фомиченок С. В. Административная ответственность за нарушение саморегулируемой организацией в сфере финансового рынка обязательных требований к её деятельности // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 3. – С. 293-303.

References

1. Boltinova O. V. On the issue of state financial control in the Russian Federation //Financial law and management. – 2013. – № 2. – Pp. 39-45.

2. Gracheva E. Y. Legal regulation of financial control in the Russian Federation: problems and prospects /ed. by E. Y. Gracheva. – Moscow: NORM, INFRA–M, 2013. – 384 p.

3. Martens A. A. Prospects for the development of self-regulation in the financial market of Russia //Accounting and finance issues. – 2015. – № 3 (19). – Pp. 85-94.

4. Pavlodsky E. A. Self-regulating organizations in Russia // Journal of Russian Law. – 2009. – № 1. – pp. 36-42.

5. Pastushenko E. N., Zemtsova L. N. Actual issues of financial and legal regulation of financial market regulation // Information security of regions. – 2016. – № 3 (24). – P. 20-53.

6. Pisareva E. G. The importance of control over the activities of state institutions (administrative and financial and legal aspects) // Leningrad Law Journal. – 2012. – № 4 (30). – Pp. 43-49.

7. Rukavishnikova I. V. Method of financial law: abstract. ...Dr. jurid. sciences'. – Saratov, 2004. – 50 p.

8. Rummyantseva E. S. Problems of financial control in the Russian Federation. // Young Science – 2023: collection of materials of the 14th national scientific and practical confe-

rence. Yaroslavl: Educational organization of higher education (private institution), "International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT)). – 2023. – 374 p. (pp. 108-111).

9. Rybakova S.V. Public financial control and supervision // *Financial Law*. – 2014. – № 12. – Pp. 23-29.

10. Rybkova A. Yu. Features of financial and legal regulation of insurance control and supervision carried out by a self-regulating organization in the financial market // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. – 2018. – № 1 (120). – Pp. 228-235.

11. Skok A. Ya. Types of self-regulating organizations as participants in financial legal relations // *Legal policy and legal life*. – 2023. – № 1. – Pp. 238-245.

12. Tagasheva O. V. Financial control in the securities market (financial and legal aspect): abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. – Saratov, 2009. – 26 p.

13. On the procedure for conducting Inspections by the Bank of Russia of Inspections of Supervised Persons" Instruction of the Bank of Russia dated 01/15/2020 No.202- I; On the Organization of Inspection Activities by the Central Bank of the Russian Federation in Respect of Non-Credit Financial Organizations and Self-Regulating Organizations of Non-Credit Financial Organizations: Instruction of the Bank of Russia dated 09/01/2014 No. 156 - I; On the content, Forms, Procedure and Timing of Preparation and submission of reports to the Bank of Russia of a self-regulatory organization in the field of financial market: Instruction of the Bank of Russia dated 09/21/2022 No. 6245 - U // Access to the SPS "ConsultantPlus".

14. Decree of the Government of the Russian Federation "Financial market Development Strategy for the period up to 2020" dated 12/29/2008 No. 2043 – r // Access to the SPS "ConsultantPlus".

15. Federal Law "On Self-regulatory Organizations in the Financial Market" dated 07/13/2015 No. 223- FZ // Access to the SPS "ConsultantPlus".

16. Federal Law "On Self-regulating Organizations" dated 16.11. 2007. № 315 - FZ // Access to the SPS "ConsultantPlus".

17. Federal Law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" dated 07/10/2022 No. 86- FZ // Access to the SPS "ConsultantPlus".

18. Fomichenok S. V. Administrative responsibility for violation by a self-regulating organization in the financial market of mandatory requirements for its activities // *Legal policy and legal life*. – 2023. – № 3. – Pp. 293-303.

ВИДЫ СТРАХОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ РИСКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КЛАССИФИКАЦИИ И ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

М. А. Перепелица, Г. В. Шачков

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Аннотация. Статья посвящена проблеме классификации видов страхования предпринимательских рисков в Российской Федерации и их правоприменению при возмещении убытков предпринимателю. Значимость и актуальность исследуемой в статье проблемы связана тем, что риск, как объективное явление, присущ практически всем видам предпринимательской деятельности, при осуществлении которого наступают неблагоприятные финансовые последствия. В связи с тем, чтобы полностью исключить риск из сферы предпринимательской деятельности, не представляется возможным, законопроект разработал правовые средства его минимизации. Одним из таких институтов является страхование, предоставляющее гарантии защиты предпринимателю путём возмещения не полученной прибыли из-за понесённых расходов. Страхование предпринимательских рисков выступает жизненно необходимым для сферы предпринимательства, так как в отдельных случаях не позволяет субъекту обанкротиться и безвозвратно потерять вложенные активы, выполняя тем самым обеспечительную функцию.

Целью статьи является анализ классификационных схем видов предпринимательских рисков в Российской Федерации и особенностей их правоприменения в страховых правоотношениях. В ходе изучения вопроса автор делает вывод, что предпринимательский риск всегда несёт неблагоприятные для субъекта последствия, большинство из которых связаны с объективными обстоятельствами, например, стихийные бедствия, аварии, войны, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств стороной. В статье приводятся различные классификации видов предпринимательских рисков и делается вывод о том, что любое их деление не может носить закрытый и исчерпывающий характер, так как в процессе осуществления самой деятельности могут возникать новые виды риска, с которыми предприниматель ранее не сталкивался. На примере санкционного, валютного и инновационного рисков обосновывается позиция, что не по всем видам предпринимательских рисков возможно полное возмещение понесённых предпринимателем убытков из-за того, что некоторые из них характеризуются высокой степенью непредсказуемости и находятся в сфере регулирования публичной финансовой деятельности государства. Это, в свою очередь, не даёт возможности предпринимателю спрогнозировать свои убытки, как в случаях возникновения угроз в гражданско-правовых отношениях, что не только снижает эффект страхования, но и делает спрос на институт страхования предпринимательских рисков низким. Сложность правового регулирования данного вопроса усугубляет ещё и то, что всегда будут возникать новые угрозы в сфере предпринимательства, механизм защиты от которых юридически не закреплён. В статье были использованы следующие методы исследования: логический, системный, анализ, синтез, обобщение полученной информации, а также специальные правовые методы, такие как формально-юридический и сравнительно-правовой.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, виды предпринимательских рисков, институт страхования, возмещение убытков, валютный риск, инновационный риск.

DOI 10.24888/2949-3293-2023-3-3-41-48

TYPES OF BUSINESS RISK INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION: CLASSIFICATIONS AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

Maria A. Perepelitsa, Gennady V. Shachkov
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

***Abstract** .The article is devoted to the problem of classification of types of insurance of entrepreneurial risks in the Russian Federation and their enforcement when compensating for losses to an entrepreneur. The significance and relevance of the problem studied in the article is due to the fact that risk, as an objective phenomenon, is inherent in almost all types of entrepreneurial activity, during which unfavorable financial consequences occur. Due to the fact that it is not possible to completely eliminate the risk from the sphere of entrepreneurial activity, the rule of law has developed legal means to minimize it. One of these institutions is insurance, which provides guarantees of protection to the entrepreneur by reimbursing the profit not received due to the expenses incurred. Insurance of business risks is vital for the sphere of entrepreneurship, since in some cases it does not allow the subject to go bankrupt and irretrievably lose the invested assets, thereby performing a security function.*

The purpose of the article is to analyze the classification schemes of types of entrepreneurial risks in the Russian Federation and the peculiarities of their enforcement in insurance legal relations. In the course of studying the issue, the author concludes that entrepreneurial risk always carries adverse consequences for the subject, most of which are related to objective circumstances, for example, natural disasters, accidents, wars, non-fulfillment or improper fulfillment of obligations by the party. The article presents various classifications of types of entrepreneurial risks and concludes that any division of them cannot be closed and exhaustive, since in the process of carrying out the activity itself, new types of risks may arise that the entrepreneur has not previously encountered. Using the example of sanctions, currency and innovation risks, the position is substantiated that for all types of business risks, it is possible to fully compensate for the losses incurred by the entrepreneur due to the fact that some of them are characterized by a high degree of unpredictability and are in the sphere of regulation of public financial activities of the state, which, in turn, does not allow the entrepreneur to predict his losses, as in cases of threats in civil law relations. This not only reduces the effect of insurance, but also makes the demand for the institution of business risk insurance low. The complexity of the legal regulation of this issue is further aggravated by the fact that there will always be new threats in the field of entrepreneurship, the mechanism of protection against which is not legally fixed. The following research methods were used in the article: logical, systematic, analysis, synthesis, generalization of the information received, as well as special legal methods, such as formal legal and comparative legal.

Keywords: entrepreneurial activity, types of entrepreneurial risks, insurance institution, compensation of losses, currency risk, innovation risk.

Одним из обязательных признаков предпринимательской деятельности является осуществление её на свой риск [1]. Понятие риска настолько неотделимо от сути предпринимательской деятельности, что вся иная хозяйственная деятельность субъекта,

осуществляемая им без вероятности несения угрозы риска, не будет считаться таковой. Понятие «риск» вызывает интерес исследователей разных наук потому, что он, как объективное явление, многогранен и проникает не только в юридическую сферу, а имеет отношение и к другим областям жизни субъекта. Право, как явление, созданное человеком, основано на ценностных архетипах социума [12] и направлено в первую очередь на то, чтобы упорядочить правила поведения в обществе и гарантировать при необходимости их соблюдение принудительной силой. В связи с этим многие общественные понятия и институты, закреплённые в правовых нормах, получили полные гарантии их соблюдения и исполнения в реальных правоотношениях между людьми (например, институт обязательственного права в гражданском законодательстве). В юридической же сфере риск преобразуется в «предпринимательский», но не прекращает оставаться от этого объективным явлением, не зависящим от воли и желания людей. Поэтому, урегулировать предпринимательские риски в правоотношениях в том смысле, чтобы полностью исключить угрозы, которые он несёт – не представляется возможным. В такой ситуации правопорядок смог лишь выработать и предложить юридические гарантии снижения наступления неблагоприятных последствий в результате занятия предпринимательской деятельностью с помощью института страхования. Понятие страхования предпринимательских рисков было закреплено в Российской Федерации Федеральным законом от 10 декабря 2003 года № 172 – ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации»[1].

Актуальность статьи определяется тем, что риск, как объективное явление, характеризуется постоянством по времени и всеохватывающим характером, то есть присущ практически всем видам предпринимательской деятельности в той или иной степени (это зависит от её вида, ритма осуществления). Риск несения убытков или потери доходов сопровождал деятельность инициативных людей (купцов) тысячи лет назад и характеризует деятельность современных инвесторов и коммерсантов, то есть это вечное неустранимое явление, не зависящее от времени, территории, особенностей законов и уровня развития государств. Каким бы образом не совершенствовались правовые нормы и отношения в сфере предпринимательской деятельности, не детализировались условия гражданско-правовых договоров, заключаемых контрагентами по сделке, не оговаривались способы обеспечения исполнения обязательств, как гарантии исполнения условий договора – всегда, при осуществлении предпринимательской деятельности, существует вероятность наступления неблагоприятных последствий. Например, форс - мажорные обстоятельства или изменения условий предпринимательской деятельности по не зависящим от лица обстоятельствам; или же, что чаще всего и встречается в практике – нарушение обязательств стороной по договору. Иными словами, риски, присущие деятельности, направленной на получение прибыли, сопровождали предпринимательскую деятельность человека всегда, поэтому значимость затронутой проблемы будет всегда актуальна и интересна. Именно страхование предпринимательских рисков является правовым средством, предоставляющим гарантии защиты финансовому состоянию субъекта – предпринимателя, путём возмещения не полученной прибыли из-за понесённых расходов.

Желание оградить себя от неблагоприятных последствий, предвидеть их и принять меры по их нейтрализации выразилось в применении предпринимателями различных средств правового регулирования: это и детальное составление условий договора перед заключением сделки, и изучение репутации (истории) хозяйственной и финансовой деятельности контрагентов через автоматизированные базы благодаря информационно-коммуникационным технологиям (сбор досье на контрагента), и применение ин-

ститута обеспечения исполнения обязательств и др. Но особое место в системе таких средств отведено институту страхования предпринимательских рисков, выступающему видом имущественного страхования. Важность и востребованность данного института заключается в его обеспечительной функции по отношению к предпринимателю, понесшему убытки вследствие наступления неблагоприятного случая. Данная функция выполняет задачу получения запланированного дохода от предпринимательской деятельности и уменьшения размера понесённых убытков. Возможность возместить свои имущественные и (или) финансовые потери, направленность страхования на конечный результат предпринимательской деятельности, делает институт страхования не просто популярным среди предпринимателей, и жизненно необходимым. Жизненно необходимым в том смысле, что в отдельных случаях страхование не позволяет субъекту обанкротиться и безвозвратно потерять вложенные активы, а снова спланировать свою хозяйственную деятельность на будущее. Исходя из этого, можно сказать, что связь предпринимательской деятельности с институтом страхования предпринимательских рисков базируется на имущественной основе, а те вопросы, в которых речь идёт о возмещении денег и активов с целью покрытия убытков – всегда будут актуальны и иметь важное значение для любого предпринимателя в обществе, будь то индивидуальный предприниматель – физическое лицо или юридическое лицо и пр.

В теории гражданского права под предпринимательским риском предлагается понимать осознанный выбор субъектом предпринимательской деятельности одного из альтернативных вариантов поведения в рискованной ситуации, характеризующийся неопределённостью исхода и вероятностью наступления неблагоприятных имущественных последствий, выражающихся в расходах, которое данное лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права, а также в неполучении доходов, которое это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не нарушалось [7, с. 6]. Т. В. Никитина при определении содержания предпринимательского риска делает акцент на опасности сложившейся ситуации, а именно: «опасность потенциально возможной потери ресурсов или недополучения доходов по сравнению с вариантом, рассчитанным на рациональное использование ресурсов в данном виде предпринимательской деятельности» [10, с. 7]. Последующий анализ понятия «предпринимательский риск», предложенный учёными - правоведами, позволяет сделать вывод, что все они обращают внимание на неблагоприятные для субъекта – предпринимателя последствия, большинство из которых связаны с объективными обстоятельствами, например, стихийные бедствия, аварии, войны, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств стороной и др. [3], [4], [5], [6], [8], [9], [10].

Эти научные выводы полностью совпадают и с позицией законодателя, где такие же объективные обстоятельства признаются причинами возникновения риска при осуществлении предпринимательской деятельности. Так, в соответствии со ст. ст. 929, 933 Гражданского кодекса Российской Федерации, страхуются имущественные интересы лица, связанные с риском убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по не зависящим от предпринимателя обстоятельствам, в том числе риск неполучения ожидаемых доходов в случае реализации данного риска [1]. А п. 22 ч. 1 ст. 32.9 Закона Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 10.12.2003 г. № 172 – ФЗ закрепляет существование такого вида страхования как страхование предпринимательских рисков [2].

Несмотря на то, что предпринимательская деятельность дифференцируется на огромное количество форм и типов, в ходе развития страховых отношений в сфере предпринимательских рисков представилось возможным выделить основные их виды.

Это: страхование от потери прибыли, страхование на случай убытков от перерывов в производстве, страхование риска невыполнения договорных обязательств, страхование интеллектуальной собственности, страхование инвестиций, страхование простоя производства [8, с. 104]. Все данные виды страхования объединяет общий объект – это имущественный интерес предпринимателя (страхователя), который и попадает под угрозу риска возникновения убытков или неполучения доходов. Однако данная классификация предпринимательских рисков, с нашей точки зрения, страдает неполнотой, так как в ней отражены не все риски с которыми сталкивается предприниматель при реализации своей деятельности.

Более удачной нам представляется другая классификация предпринимательских рисков: 1) риск гражданской ответственности (обязанность каждого лица возмещать ущерб, причинённый другому лицу); 2) риск потери прибыли (вследствие вынужденных перерывов в производстве, в результате потери имущества, невыполненных договорных обязательств, проведения забастовок и др.); 3) коммерческий риск (связанный с недопоставкой продукции, невыполнением финансовых обязательств, невозвратом кредитов и пр.); 4) рыночный риск (изменение цен на рынке); 5) валютный риск (опасность валютных потерь, вызванных изменением курса иностранной валюты по отношению к национальной валюте при проведении внешнеэкономических операций) [13, с. 50]. Здесь будет правильным обратить внимание на тот факт, что любая научная или законодательная классификация предпринимательских рисков не может носить закрытый характер, так как в процессе осуществления самой деятельности, могут возникать новые виды риска, с которыми предприниматель ранее и не сталкивался. Так, в настоящее время на первый план в деятельности субъекта предпринимательской деятельности может выходить санкционный риск, то есть угроза несения убытков в результате введения запретов и ограничений со стороны недружественных стран. Некоторые учёные называют такой риск политическим [5, с. 182], но точнее всего речь идёт о санкционном риске, ведь по результату предприниматель всё таки теряет прибыль и несёт убытки в сфере финансовой деятельности, а не политической.

Несмотря на то, что предпринимательский риск и его виды включены в сферу регулирования гражданского права – некоторые основания для его возникновения могут находиться за пределами гражданских правоотношений. Например, валютный риск, угрозой формирования которого являются публичные финансовые правоотношения. Ведь обменный курс оказывает значительное воздействие на финансовые операции и сделки, заключаемые предпринимателем, потому что его колебания (прежде всего в сторону ослабления национальной валюты и потери своей платежеспособной силы) отрицательно сказываются на результатах и запланированных доходах субъекта предпринимательской деятельности. Особенно если она носит внешнеэкономический характер, и лицо заключает сделки в иностранной валюте или обязано погашать кредитные обязательства в иностранной валюте. Оценивая такой риск, следует сказать, что степень глубины его угрозы обратно пропорциональна фактору непредсказуемости и неизвестности. Риску, вообще, как явлению свойственна непредсказуемость, но в сфере валютных отношений она многократно увеличивается. Если, например, предприниматель может спрогнозировать и даже точно определить сумму ущерба при невыполнении контрагентом своих обязательств, или сумму ущерба от непроданного или уничтоженного товара, то в случае с валютным риском – сделать это заранее практически невозможно. Уровень понесённого ущерба предпринимателя будет зависеть от обменного курса национальной валюты, зафиксированного вследствие её «обвала» на валютном рынке спекулянтами. Предприниматель не имеет предварительного доступа к инсайдерской информации о валютных спекуляциях и сталкивается только с их последст-

виями. Или, например, ослабление курса национальной валюты в результате государственной политики в сфере возврата экспортёрами валютной выручки от продажи ресурсов на международном рынке. И в такой ситуации предпринимателю крайне сложно предусмотреть свои потери. Ведь речь идёт о государственной финансовой деятельности, о направлениях которой предпринимателю изначально многое неизвестно в целом. Здесь, конечно, рынок страхования предлагает применение такого метода, как хеджирование, то есть страхование валютных сделок от валютных рисков. Но при стремительном и крупном «обвале» национальной валюты – ни одна страховая компания не сможет возместить все убытки полностью и всем субъектам предпринимательской деятельности одновременно. Речь может идти только о возмещении части потерянного дохода.

Аналогичная ситуация имеет место и при таком виде предпринимательского риска, как инновационный. Так как предпринимательская деятельность осуществляется в условиях постоянной конкуренции и развития новых технологий - предпринимателю нередко приходится прибегать к внедрению в свою деятельность научно-технических новшеств, проведению долгосрочных исследований, с целью привлечения покупателей к своим продуктам или услугам. Инновации и ноу-хау предполагают большие инвестиции. Поэтому страховой рынок предлагает страхование рисков от осуществления процесса исследований, проектно-конструкторских разработок, внедрения научно-технических новшеств. Ведь вложения в инновационные преобразования не всегда приносят положительный результат. А в случае неудачи – предприниматель сможет вернуть не все свои расходы, как и в случае с валютным риском, а только их часть. К сожалению, такие факты только снижают эффективность страхования предпринимательских рисков, так как страховые выплаты не позволяют покрыть все отрицательные финансовые результаты, вызванные таким риском.

Таким образом, следует сказать, что проблема правоприменения института страхования предпринимательских рисков в Российской Федерации непосредственно связана с видом самого риска. Не по всем видам предпринимательских рисков возможно полное возмещение понесённых предпринимателем убытков (например, валютный, инновационный, экологический), что не только снижает эффект страхования, но и делает спрос на такую страховую услугу низким. Сложность правового регулирования данного вопроса усугубляет еще и то, что перечень видов предпринимательских рисков не может носить закрытый исчерпывающий характер, а значит всегда будут возникать новые угрозы в сфере предпринимательства, механизм защиты от которых юридически не закреплён.

Литература

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (ст. 2) от 30.11. 1994 г. № 51 - ФЗ // Доступ на СПС «Консультант Плюс».
2. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 10.12.2003 г. № 172 – ФЗ // Доступ на СПС «Консультант Плюс».
3. Асатрян Н. Л. Управление рисками в организации: подходы к анализу и оценке // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 98. – С. 28-31.
4. Васин Т. В. Основные риски предпринимательской деятельности в России в условиях санкционного давления // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 1 (1). – С. 62-66.
5. Демьянов В. Г. Предпринимательские риски в Российской экономике // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2021. – № 1 – Т. 15. – С. 180-185.

-
6. Камнева Ю. С. Основные виды предпринимательских рисков и методы их управления для современных предприятий экономики России // Студнет. – 2021. – № 6. – Т. 4. – С. 47-52.
 7. Копылов В. А. Риск в предпринимательской деятельности: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Волгоград, 2013.
 8. Костюкова А. И. Предпринимательские риски: сущность и возможности управления // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2017. – № 5. – С. 103-105.
 9. Курганская Н. Р., Попова Е. Н. Риски инновационного проекта внедрения технологий в сферу девелопмента // Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 4 (44). – С. 516-522.
 10. Никитина Т. В. Страхование коммерческих и финансовых рисков: монография. – СПб: Питер, 2002. – 86 с.
 11. Никитин В. Н., Благодатский П. В., Крючкова А. С., Косова А. В. Формирование и развитие культуры управления рисками // Лидерство и менеджмент. – 2023. – Т. 10. – № 1. – С. 93-110.
 12. Новиков О.А. Развитие концепции «симфонии властей» в Древней Руси в XV-XVII вв. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2-1. – С. 167-171.
 13. Тюленева Ю. В. Определение категории «риск предпринимательской деятельности» как основа эффективной деятельности предприятий // Экономический Вестник НТУУ «Восточно Сибирский технический университет: сборник научных трудов. – 2019. – № 6. – С. 47 -52.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (Article 2). №. 51 – FZ dated 30.11. 1994 //Access to the SPS "Consultant Plus".
 2. On Amendments and additions to the Law of the Russian Federation "On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation" dated 10.12.2003. № 172 – FZ //Access to the SPS "Consultant Plus".
 - Asatryan N. L. Risk management in the organization: approaches to analysis and evaluation // Economics and Business: theory and practice. – 2023. – № 98. – Pp. 28-31.
 2. Vasin T. V. The main risks of entrepreneurial activity in Russia under the conditions of sanctions pressure // Economics and Business: theory and practice. – 2023. – № 1 (1). – Pp. 62-66.
 3. Demyanov V. G. Entrepreneurial risks in the Russian economy // Science of man: humanitarian studies. – 2021. – № 1. – Vol. 15. – Pp. 180-185.
 4. Kamneva Yu. S. The main types of entrepreneurial risks and methods of their management for modern enterprises of the Russian economy // Studnet. – 2021. – №. 6. – Vol. 4. – Pp. 47-52.
 5. Kopylov V. A. Risk in entrepreneurship. Abstract. discand. jurid. sciences'. Volgograd, 2013.
 6. Kostyukova A. I. Entrepreneurial risks: the essence and possibilities of management // International scientific journal "Innovative Science". – 2017. – № 5. – Pp. 103-105.
 7. Kurganskaya N. R., Popova E. N. Risks of an innovative project for the introduction of technologies in the field of development // Questions of student science. – 2020. – № 4 (44). – Pp. 516- 522.
 8. Nikitina T. V. Insurance of commercial and financial risks. Monograph. St. Petersburg: Peter, 2002 – 86 p.
-

9. Nikitin V. N., Blagodatsky P. V., Kryuchkova A. S., Kosova A.V. Formation and development of risk management culture // Leadership and management. – 2023. – Vol. 10. – № 1. – Pp. 93-110.

10. Tyuleneva Yu. V. Definition of the category "risk of entrepreneurial activity" as the basis of effective activity of enterprises //Economic Bulletin of NTUU "East Siberian Technical University: collection of scientific papers. – 2019. – № 6. – Pp. 47-52.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Н.Д. Ратникова

Воронежский филиал Государственного университета морского
и речного флота имени адмирала С.О. Макарова
(г. Воронеж, Россия)

***Аннотация.** Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что для обеспечения законности судопроизводства по гражданским и административным делам и обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав и законных интересов физических и юридических лиц особую процессуальную функцию выполняет прокурор.*

Одной из важнейших гарантий вынесения, основанного на действующем законодательстве судебного акта, служит вступление в гражданский процесс прокурора. Несмотря на имеющуюся правовую основу для участия прокурора в рассмотрении гражданских и административных дел, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о недостаточности предоставленных полномочий для обеспечения прав и законных интересов в первую очередь физических лиц, которые нуждаются в правовой защите.

В статье анализируется реализация полномочий прокурора, принимающего участие в гражданском судопроизводстве. Сложившееся положение вызывает потребность более детального регулирования правовых оснований процессуальной деятельности органов прокуратуры в гражданском судопроизводстве, как гарантии законности гражданского процесса и выносимых судами актов.

В нормах действующего Федерального закона «О прокуратуре РФ» и Гражданского процессуального кодекса РФ следует уточнить оценочные понятия и расширить основания для вступления прокурора в гражданский процесс.

***Ключевые слова:** прокурор, судопроизводство, гражданский процесс, иск, заявление, заключение.*

DOI 10.24888/2949-3293-2023-3-3-49-54

FEATURES OF THE PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN CIVIL PROCEEDINGS

Natalia D. Ratnikova

Voronezh Branch of the State University of the Sea and River
Fleet named after Admiral S.O. Makarova
(Voronezh, Russia)

***Abstract.** The relevance of the study is due to the fact that in order to ensure the legality of legal proceedings in civil and administrative cases and ensure the protection and restoration of violated rights and legitimate interests of individuals and legal entities, the prosecutor performs a special procedural function.*

One of the most important guarantees of issuing a judicial act based on current legislation is the entry of a prosecutor into the civil process. Despite the existing legal basis for the participation of the prosecutor in the consideration of civil and administrative cases, an anal-

ysis of judicial practice allows us to conclude that the powers granted are insufficient to ensure the rights and legitimate interests, primarily of individuals who need legal protection.

The article analyzes the implementation of the powers of the prosecutor participating in civil proceedings. The current situation raises the need for more detailed regulation of the legal basis for the procedural activities of the prosecutor's office in civil proceedings, as a guarantee of the legality of the civil process and the acts issued by the courts.

The norms of the current Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" and the Civil Procedure Code of the Russian Federation should clarify evaluative concepts and expand the grounds for the prosecutor's entry into civil proceedings.

Keywords: *prosecutor, legal proceedings, civil process, lawsuit, application, conclusion.*

В качестве правовой основы для участия прокурора в рассмотрении гражданских дел выступает прежде всего Гражданский процессуальный кодекс РФ [1], Федеральный закон от 17. 01. 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2], а также Приказ Генерального прокурора РФ от 11. 01. 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» [3].

Органы прокуратуры Российской Федерации осуществляют надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, относящихся к российской юрисдикции. Прокуроры достаточно часто принимают участие в рассмотрении дел в гражданском судопроизводстве, например, реализуя свои полномочия прокуроры в 2022 году подали 379 007 исковых заявлений для защиты прав и свобод личности и интересов Российского государства.

Закон «О прокуратуре» обязывает прокуроров вступать в гражданский процесс при нарушении прав, свобод лиц, которые сами не могут это сделать в силу плохого состояния здоровья, возраста или другой уважительной причине, а также по делам, затрагивающим права неопределенного круга граждан и имеющим большой общественный резонанс на любой стадии судопроизводства.

Гражданско-процессуальные нормы устанавливают право прокурора подать исковое заявление в суд для защиты прав или интересов гражданина при невозможности или затруднениях физического лица самому защищать в суде свои интересы в виду болезни, инвалидности, возраста и по другим уважительным обстоятельствам, либо если нарушаются законные интересы широкого круга лиц, либо государства и муниципалитетов. Подавая заявления о защите личных интересов, прокурор обязан обосновать суду невозможность физического лица самому обратиться в суд или сослаться на обращение лица в прокуратуру. При этом гражданско-процессуальные нормы содержат оценочные понятия «возраст», «состояние здоровья» для обоснования правомочий прокурора для подачи иска в защиту личного интереса.

С нашей точки зрения, совершенно обосновано законодатель установил возможность участия прокурора по делам о нарушении социальных прав личности или оспаривании нарушения прав в трудовых правоотношениях, для защиты материнства и отцовства, социального обеспечения и охраны здоровья, обеспечения социальным жильем, права на образование. Внесенные дополнения в ст. 45 УПК РФ, не обязывают прокурора обосновывать свое участие в гражданском процессе невозможностью физического лица самому обратиться за защитой нарушенных прав в вышеуказанных сферах.

В соответствии с ГПК РФ прокурору предоставлено право давать заключения в гражданском производстве по делам, связанным с выселением, восстановлением на работе, возмещением ущерба за нанесение вреда жизни или здоровью личности.

Также законодатель может установить и иные случаи дачи заключений прокурором. В Трудовом кодексе РФ содержится норма о праве прокурора обратиться в суд с заявлением, когда комиссия по трудовым спорам выносит решение, не соответствующее трудовому законодательству.

Внесенные дополнения в ст. 45 ГПК РФ расширили возможности прокуратуры для участия в гражданском судопроизводстве по делам вытекающих из экономических правоотношений, связанных с признанием недействительности сделок, совершенных в нарушении специальных мер в отношении недружественных действий зарубежных стран. В отличие от сторон и других участников гражданского процесса прокурор имеет свой законный интерес, отличающийся от интересов других субъектов гражданско-процессуальных отношений. Как мы понимаем, юридический интерес - это неоднородный институт, и он рассматривается в материальном и процессуальном аспекте.

Истец, предъявляющий иски, ответчик и третьи лица имеют как материальный, так и процессуальный интерес, прокурор имеет только один процессуальный интерес. Однако процессуальный интерес прокурора по своей сущности не похож на интересы иных участников гражданского процесса.

Бесспорно, что истец, ответчик и третьи лица имеют личный интерес, то есть участвуют в качестве лиц, пострадавших от неправомерных деяний другой стороны, то в отличие от них прокурор, осуществляя надзор, выражает интересы государства. Поэтому прокурор своим участием осуществляет интерес, который является публично-правовым или, как его называют отдельные авторы, публичным.

Помимо причин, по которым прокурор должен быть привлечен к судебному разбирательству, необходимо также выделить поводы для привлечения прокурора в конкретный процесс: это может быть на основании обращения в любой форме физического лица или обращения органов государственной власти, общественных организаций, материалов газет, журналов, интернет изданий и др. На основании любой информации, вызвавшей интерес в плане обеспечения прав и свобод личности или соблюдения законодательства, прокурор имеет повод для участия в судебном процессе.

Процессуальный статус прокурора в гражданском судопроизводстве служит предметом научных дискуссий среди российских ученых. Имеется точка зрения, что поскольку прокурор предъявляет иски, то его правовое положение соответствует правовому статусу истца.

Отдельные исследователи имеют иное мнение и считают прокурора, подавшего иски, процессуальным истцом, который не имеет материальной выгоды по делу. В принятом судом решении в пользу прокурора ничего не присуждается, прокурор реализует процессуальную заинтересованность в судебном решении.

Другие ученые-процессуалисты считают прокурора представителем государства, который в гражданском процессе реализует характерную для прокуратуры надзорную функцию за законностью разрешения дел [4]. Во всех высказанных мнениях есть свое обоснование особой роли прокурора в гражданском судопроизводстве. Ясно одно, что прокурор, несомненно, является независимым участником гражданских процессуальных отношений и не должен быть отнесен к какой-либо из представленных групп. Более того, даже законодатель четко не определился со своим выбором места прокурора в гражданском процессе.

Мы разделяем мнение М.Ю. Крутикова относительно места прокурора, как участника процесса, представляющего интересы государства, но не являющегося стороной гражданского по делу при обращении с заявлением в суд [5]. Надлежащим истцом в данном случае является гражданин, в чьих интересах прокурор инициировал гражданское судопроизводство.

По делам, возбужденным прокурором, участие истца, как стороны спора является обязательным, он является субъектом спорных правоотношений, поскольку имеет материально-правовую и субъективную заинтересованность в судебном разбирательстве по делу.

Прокурор при подаче заявления в защиту правоохраняемых интересов инициирует гражданско-процессуальное судопроизводство, поэтому обращение должно соответствовать общим требованиям по своей форме и содержанию, закрепленным в гражданско-процессуальном законодательстве. Исковые требования при защите интересов государства, муниципальных образований или физических лиц, обязательно обосновываются, в чем конкретно состоит их интерес, в чем состоит нарушение, и какие способы законодательством предусмотрены для защиты этого интереса.

По общему правилу, если прокурор подает в суд заявление о защите интересов конкретного гражданина, то он должен привести обоснование, почему сам пострадавший не может самостоятельно предъявить иск.

Прокуроры реализуют свои полномочия в гражданском процессе следующим образом:

1. Подают заявления в суды в порядке искового и особого судопроизводства.

2. Вступают в гражданский процесс для реализации полномочий по надзору с заключениями по делам, указанным в законодательстве.

3. Наделяются правом приносить апелляционное представление, а кассационное представление в суд имеют право подавать Генеральный прокурор РФ и его заместители, прокуроры субъектов РФ и его заместители, приравненные к ним военные прокуроры и прокуроры специализированных прокуратур.

При подаче исковых требований для защиты личных интересов физических лиц у прокурора возникают права и обязанности истца, кроме права на заключение мирового соглашения, поскольку прокурора нельзя отнести к субъектам спорных материальных правоотношений. Вместе с тем ответчик не имеет права выдвинуть встречное требование в отношении прокурора.

Прокурор в гражданском процессе наделен процессуальными правами, а материальные права имеет гражданин, в защиту интересов которого подано им заявление, поэтому, если прокурор отказывается от исковых требований, то истец имеет право продолжить рассмотрение дела в суде.

В настоящее время наиболее важна для укрепления законности и правопорядка возможность прокурора подать ходатайство об участии в гражданском судопроизводстве в первой инстанции по любой категории гражданских дел и по собственной инициативе. Однако существуют законодательные ограничения для вступления прокурора в гражданский процесс, прокурор имеет возможность подавать исковые требования в суд только при обращении граждан для обеспечения социально значимых прав человека и гражданина.

Одной из задач, стоящих перед прокурором в первую очередь, является вынесение судом основанного на законе процессуального акта. Практика введения прокурора в гражданский процесс нацелена на всестороннюю и объективную оценку всех представленных сторонами доказательств, показаний свидетелей и материалов экспертиз. Если в ходе судебного разбирательства участниками будет заявлено необоснованное требование, то прокурор может отклонить его.

Не только в гражданско-процессуальном законе закреплено, что прокурор должен принимать участие в рассмотрении отдельных категорий гражданских дел, но и в семейном законодательстве. Так требуется участие прокурора и дача им заключения по делам о признании брака недействительным, об усыновлении (удочерении) и отмене

усыновления (удочерения), ограничении или лишении родительских прав, признании недействительности соглашения об уплате алиментов.

Трудовой кодекс РФ предусмотрел участие прокурора в процессе разбирательства по делам о спорах, когда принимаемое решение комиссией по трудовым спорам не соответствует трудовому законодательству, а также при признании незаконности забастовки.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ содержит нормы, устанавливающие подачу прокурором заявления в суд с требованием об обращении в доход государства денег, ценностей, иного имущества и доходов от них, полученных родственниками или близкими террориста, если есть основания считать их приобретенными от террористической деятельности, когда они не могут подтвердить законность получения указанных объектов [6].

Также Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ указывает, что прокурор обращается в порядке гражданского судопроизводства с заявлениями о взыскании в доход государства денежных средств, превышающих совокупный доход лица, и оно не может обосновать законность их получения [7]. Также прокурор обращается с заявлением в суд об изменении формулировки увольнения государственных служащих, на которых распространялись ограничения, запреты и предусмотрено декларирование сведений об имуществе, доходах, обязательствах имущественного характера.

Обязательное участие прокурора в гражданском процессе установлено в рассмотрении и других дел, кроме перечисленных законодателем в ст. 45 ГПК РФ, например, при признании лица безвестно отсутствующим или объявлении его умершим, лишении или ограничении ребенка в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права на самостоятельное распоряжение заработной платой, стипендией или другими доходами, объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным. Однако прокурор не обязан представлять в судебное заседание доказательства или разъяснять суть дела и принимать участие во всех заседаниях суда. При этом на прокурора возлагаются обязанности по оказанию содействия суду в установлении всех фактических обстоятельств и соблюдении требования процессуального законодательства в ходе разбирательства по делу.

Прокурор вправе публично оглашать свои доводы по существу дела после завершения прений сторон и обмена замечаниями. Таким образом, он оказывает помощь суду в принятии основанного на законе решения по гражданскому делу. При этом суд, руководствуясь принципом независимости, вынося решение, не связан доводами прокурора и других участвующих в процессе лиц по поводу, как нужно рассмотреть дело.

После вступления в процесс разбирательства дела, по которому в соответствии с законодательством обязательно его участие, он имеет право знакомиться со всеми материалами дела, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, заявлять отводы участникам процесса и приносить ходатайства по делу.

При вступлении прокурора в начатый гражданский процесс ему делегируются особые процессуальные действия по даче заключений как по отдельным вопросам, появившимся при разбирательстве дела, так и по всему делу. Дача прокурором в судебном заседании заключения по всем материалам дела, по существу спора может быть произведена после изучения всех доказательств по делу, представленных сторонами.

Законодательная позиция по ограничению оснований для вступления прокурора по собственной инициативе в гражданское судопроизводство только по определенным категориям дел не в полной мере можно считать обоснованной в правовом государстве. Мы полагаем, что следовало бы усилить правозащитные полномочия прокуратуры по

защите не только социально значимых интересов каждого российского гражданина, а любых прав и свобод и по собственной инициативе.

Для исключения субъективности судебных решений об отказе в принятии к производству исков прокуроров для защиты личных интересов граждан, не способных самим защищать свои права и свободы, в нормах гражданско-процессуального закона указать критерии отнесения к лицам, не способным в виду возраста или здоровья самим обращаться в суд.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17. 01. 1992 года № 2202-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
3. Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве: приказ Генерального прокурора РФ от 11. 01. 2021 г. № 2 // Законность. – 2021. – № 2.
4. Шобухин В. О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – Москва: Юрист. – 2007. – № 3. – С. 19 – 22.
5. Крутиков М.Ю. Гражданско-процессуальный статус прокурора // Современное право. – Москва: Новый Индекс, 2007. – № 5. – С. 67-70.
6. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06. 03. 2006 года № 35-ФЗ: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
7. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25. 12. 2008 года № 273-ФЗ: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52. – Ст. 6228.

References

1. Civil procedural code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 46. – Art. 4532.
2. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 // Gazette of the SND of the Russian Federation and the Armed Forces of the Russian Federation. – 1992. – № 8. – Art. 366.
3. On ensuring the participation of prosecutors in civil and administrative proceedings: order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated January 11, 2021 No. 2 // Legality. – 2021. – No. 2.
4. Shobukhin V. About some issues of the participation of the prosecutor in civil proceedings // Arbitration and civil process. – Moscow: Lawyer. – 2007. – № 3. – P. 19 – 22.
5. Krutikov M.Yu. Civil procedural status of the prosecutor // Modern law. – M.: New Index, 2007. – № 5. – P. 67 – 70.
6. On countering terrorism: Federal Law of March 6, 2006 No. 35-FZ: Collection of legislation of the Russian Federation. – 2006. – №. 11. – Art. 1146.
7. On combating corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ: Collection of legislation of the Russian Federation. – 2008. – №. 52. – Art. 6228.

**ЦЕНТР VS ПРОВИНЦИЯ:
ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ РАЗЛИЧИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

А.В. Скиперских

Елецкий государственный университет им И.А. Бунина,
(Елец, Россия)

***Аннотация.** В данной статье автор показывает, как могут конструироваться пространственные различия между центром и периферией в дискурсе российской власти. Власть объективирует себя всюду, в полной мере распространяясь как на целое, так и на его части. Выступая частями одного целого, центр и провинция имеют схожие основания для попадания в исследовательский фокус.*

С точки зрения автора, политическое пространство, зависимое от целого ряда размежеваний, может делиться на благополучный и даже шокирующий своей роскошью центр, равно как депрессивную, склонную к постепенной деградации провинцию. Причина подобных расколов может скрываться в количестве и качестве бюрократии, сосредоточенной в центре, а также в содержании политики, направленной на конструирование пространственных различий. Что касается современной России, то провинция в ней представляется как некое экзотическое поле, пространство туристической ностальгии и источник трудовых ресурсов. Подобное отношение производит центростремительные движения, фактически обедняя провинцию качественной бюрократией.

Указанное размежевание демонстрируется на примере современной России на многочисленных примерах. Масштабы проблемы сегодня выглядят угрожающими, и вряд ли спешат быть преодоленными в ближайшем будущем.

***Ключевые слова:** власть, пространство, политика, провинция, Россия, русская культура, центр.*

DOI 10.24888/2949-3293-2023-3-3-55-66

**CENTER VS PROVINCE: THE PROBLEM OF POLITICAL CONSTRUCTION
OF SPATIAL DIFFERENCES IN MODERN RUSSIA**

Alexander V. Skiperskikh
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

***Abstract.** In this article, the author shows how spatial differences between the center and the periphery can be constructed in the discourse of Russian authorities. Power objectifies itself everywhere, fully extending to both the whole and its parts. Acting as parts of one whole, the center and the province have similar reasons for falling into the research focus.*

From the author's point of view, the political space, dependent on a number of divisions, can be divided into a prosperous and even shocking with its luxury center, as well as a depressed province prone to gradual degradation. The reason for such splits may lie in the quantity and quality of the bureaucracy concentrated at the center, as well as in the content of policies aimed at constructing spatial differences. As for modern Russia, the province is presented as a kind of exotic field, a space of tourist nostalgia and a source of labor resources.

This attitude produces centripetal movements, effectively impoverishing the province of quality bureaucracy.

This demarcation is demonstrated in modern Russia through numerous examples. The scale of the problem today looks threatening, and is unlikely to be overcome in the near future.

Keywords: *power, political space, policy, province, Russia, Russian culture, center.*

Делимость власти: теоретическое вступление

Политическое пространство, несмотря на свою цельность, является структурированным. Внимательный исследовательский фокус просто обязан воспринимать политическое пространство как сумму неравных частей. Как когда-то отметил польский политолог Ф. Рышка, пространственное представление о политическом мире «состоит прежде всего из образа его частей» [15, с. 103].

Власть всегда претендует на тотальный контроль над политическим дискурсом, и, как правило, достигает его. Вместе с тем власть не всегда полностью «заливает» то пространство, над которым предполагает обеспечить контроль. Тут и там всё равно могут оставаться некие «мёртвые» зоны, где давление власти спадает. Действительно, наиболее сильный властный импульс всегда сосредотачивается в центре, демонстрируясь в период первоначального выхода. Ближе к периферии властный политический импульс теряет свою силу. Так, провинция в какой-то момент времени может оказаться в ситуации, когда сила властного импульса до неё доходит в несколько обеднённом и ослабленном состоянии.

Политическое пространство постоянно делится, подвергаясь размежеваниям. Так, в политическом дискурсе известны попытки деления власти на «верх» и «низ» в случае выстраивания всевозможных табелей, номенлатурных порядков и иерархий чинов и званий. Есть деление политического пространства на «левое» и «правое», используемое в партийном и идеологическом конструировании. В исследовании С. Липсета и С. Роккан присутствует мысль о том, что одна из классических осей размежевания в политическом пространстве может разграничивать центр и провинцию (периферию) [19]. В исследованиях других авторов можно увидеть более высокий уровень абстрагирования проблемы размежевания центра и периферии, где речь идёт о государственном противостоянии друг другу, в частности в технологической обеспеченности [15].

Важным представляется и тот факт, что центр пространства, где сосредоточена власть, не всегда располагается посередине и симметрично в отношении самого пространства. Отсюда сигнал власти не всегда равномерно достигает тех объектов, на которые он предполагается направлен. Для того, чтобы властный сигнал достиг всех объектов, включённых в коммуникационную цепочку, требуется разное время. В тот момент, когда решение власти может быть известно в одной части политического пространства, секретный пакет может ещё застревать в снегах вместе с фельдъегерем в другой. Когда властная инструкция готовится быть переданной по назначению, в ней может уже не быть необходимости.

Неопределенность выборов власти, как некогда отметил немецкий теоретик коммуникации Н. Луман, есть «фундаментальная составляющая любой власти» [10, с. 18]. Именно та власть, которая обеспечивает максимальную неопределенность и непредсказуемость, по сути дела, есть та власть, которую больше всего боятся.

Великолепный центр

У каждого политического пространства есть свой центр – своя фактическая и символическая столица. Столица всегда в определенной степени отличается от остальных частей государства. В отношении практически любого центра власти можно заме-

тить, что именно к нему проявляется максимум внимания со стороны правящего класса.

В каждой столице можно увидеть максимум того, что может на определённый момент времени достигнуть архитектурная мысль. Вовсе неслучайно по этому поводу немецкий политический философ Герман Люббе отметил, что архитектура является ярким воплощением могущества власти, добавляя при этом, что особенно актуально это наблюдение в тоталитарных политических режимах, канонизирующих архитектурный классицизм. До сих пор сталинские высотки в Москве и некоторые станции московского метрополитена хранят в себе память «канонизированного архитектурного классицизма» [11, с. 17]. Власть, особенно в столицах, как правило, делает много для того, чтобы не только она сама, но и массы сами возвеличивали себя, высоко самоидентифицируя в истории. Прекрасные рассуждения на этот счёт можно увидеть у австрийского политического философа Элиаса Канетти, показывавшего, как архитектурный гигантизм увлекает власть [8]. Именно это политическое творчество, манифестированное в архитектуре, впоследствии «покупает» общество.

Тем не менее архитектура центра обладает притягивающим, магнетическим эффектом – так власть добивается собственной легитимации.

На Метрополь колхозники глядят.

Юрий Визбор
«Охотный ряд» (1960)

Массы собирают на стадионах, в огромных дворцах культуры, площадях. Это возможно только в центре. В крупных городах становится популярным досуг в кинотеатрах. Вообще, как считают некоторые исследователи, кино выступает «удобным видом искусства для создания системы контроля со стороны властей и выборочного пространства среди населения» [3, с. 170]. Наряду с центростремительными эффектами, могут возникать и обратные, центробежные процессы¹.

Глядя на пространственное развитие современной Москвы, поневоле понимаешь, что подобное движение вширь – строительство транспортных развязок и логистических хабов, открытие новых станций метро и микрорайонов, может притягивать трудовую силу из нищающей провинции, где качество исполнения оказывается на низком уровне. Именно так, кстати, могли восприниматься советские стройки, привлекавшие рабочую силу с периферии советского государства.

Неслучайно возможности Москвы расширяться пока ещё не исчерпаны.

Вспомним признание О. Мандельштама от 1935 года:

На Красной площади всего круглей земля.

Но даже и в такой центростремительной системе координат центр может быть относительным и всячески ускользать от субъекта. Вспомним, как Веничка Ерофеев сетует на то, что «так и не увидел Кремля» за время своего пребывания в Москве [7, с. 5]. Вместе с тем финальная развязка культовой поэмы возвращает нас именно в центр, к кремлёвским стенам.

¹ Уставших от зашкаливающей эстетики горожан могут привлекать простота и лаконизм, чистота формы, простая еда. Видимо неслучайно, в некоторых субъектах РФ сегодня делается ставка на отдых для богатых жителей столицы. Популярной формой отдыха становится пребывание в глэмпингах.

В центре всегда пульсирует жизнь, в том числе и политическая. Работают многочисленные инстанции и учреждения власти, посольства и консульства, аэропорты и вокзалы, банки и офисы крупных медиа. Там находятся резиденции власти, парламенты, именно там создаётся политическая повестка и принимаются законы. Вокруг центра выстраивается логистика. Видимо, практически применительно к каждой политике можно отметить актуальность выражения, что «все дороги ведут в Рим», имея ввиду под «Римом» столицу того или иного государства. В центре бьёт ключом культурная жизнь. Своеобразным доказательством существующих диспропорций между центром и регионами могут быть затруднения с расходованием средств студентами по «Пушкинским картам». Чтобы израсходовать средства, нужно обязательно выезжать в какой-либо крупный город, потому как в провинции культурная жизнь может начинаться и заканчиваться в одном единственном кинотеатре.

Великолепие власти и её многочисленных институтов проецируется на пространство, в котором она присутствует. Именно поэтому, как правило, в столицах и крупных городах, выступающих центрами территорий и субъектов, мы можем увидеть более усердную работу коммунальных служб. В центре не только убирается снег, но даже и вывозится, что является неслыханной роскошью для провинции. Рост количества дворников на улицах российских городов свидетельствует о приближении к центру, к самой важной точке, из которой исходит власть. «Он любил чистоту, она была эмблемой его нрава», - именно так характеризует Аракчеева Юрий Тынянов в «Подпоручике Кижее» [17, с. 358].

Центр всегда чище периферии. Качество дорожного покрытия будет выше в центре, потому как именно там чаще проезжают кортежи власти. Именно в центре всегда можно увидеть образцовое благоустройство, ведь по состоянию дел в центре судят по положению самого государства.

Что-то подобное можно сказать и о состоянии дел с освещённостью центра. Свет стал важным ресурсом власти ещё со времён Прометея. Именно поэтому освещённость, энергия света распределена по политическому пространству так же неравномерно, как и сама власть. Власть обладает огромными ресурсами и поэтому имеет возможность освещать саму себя. Власть обладает устойчивыми ассоциациями с зажжёнными свечами и канделябрами, иллюминацией, фейерверками, недоступными обыкновенному большинству населения.

В «Мёртвых душах» Н. Гоголя описывается показательное прибытие Чичикова в дом губернатора. Автор отмечает, что «губернаторский дом был так освещён... блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный» [6, с. 14]. Сложно представить, какая политическая энергия была задействована на создание этого великолепия и сколько человек могли быть задействованы для этого. Сегодня электроэнергия становится настолько дорога, что качество подсветки тех или иных зданий свидетельствует о политической мощи своих владельцев.

Если применительно к центру, сложно найти проблемы с освещением, то наоборот, в провинции качество освещения вызывает массу нареканий. Экономия на уличных фонарях, призрачный свет энергосберегающих ламп создают ощущение экзистенциальности провинции, её обречённости на темноту и на подчинённое положение относительно центра. Социальные ресурсы провинции сегодня вряд ли могут оправдать установку в ней рекламных билбордов, своим ночным свечением заменяющим уличную подсветку.

Свет ещё с античных времён становится важнейшим ресурсом власти. Боги не могли простить Прометею жеста дарения огня, уравнивающего социальные траты в ресурсах. Свет даёт огонь, и он же – даёт тепло. Тепло, как и свет, является ресурсом вла-

сти. Именно к администрации апеллируют в тот момент, когда становятся холодными батареи, именно администрация даёт старт отопительному сезону и отменяет его, именно администрация разрабатывает тарифы на тепло. В современной России, кажется, что тарифы на тепло являются самыми шокирующими для населения. Платёжки за тепло всегда со страхом ожидаются, и всякий раз стоимость тепла остаётся до конца не понятной, всякий раз меняясь. Покупка дров и угля на холодный период года в отдалённых районах России всегда составляла и будет составлять внушительную часть семейных бюджетов.

Явление любой власти, её опубликование сопровождается подсветкой. Обоже- ствлённая власть всегда связывается с дополнительной энергией света. Власть прямо связывается с санкцией на освещение, обеспечивая контроль над важнейшим источником жизни человека. Именно власть может дать установку не зажигать в домах свет, пока существует опасность, что город будет подвергаться обстрелу. Именно в её руках находится «рубильник», с помощью которого можно в один прекрасный момент оставить людей без электрической энергии и, стало быть, без освещения. Отсюда, власть может чересчур ревностно относиться к альтернативным источникам энергии, понимая, что их поддержание и использование в интересах общества разрушает монополию на насилие.

Сверкающие витрины выглядят слишком контрастно по сравнению с образом жизни тех, кто вынужден довольствоваться исключительно созерцанием роскоши без возможности доступа к ней. Подобная проблема отмечалась в русской культуре, в частности, у Ф. Достоевского в рассказе «Мальчик у Христа на ёлке». Русская культура является частью мировой культуры, а потому и воспроизводит общие тенденции, характерные для политий, находящихся на одной ступени общественного развития. Таким образом, возникает ситуация, когда человек, ослеплённый роскошью и проводящий большую часть времени в её созерцании, не способный приобрести её, становится склонным к ресентименту, о чём когда-то писал немецкий политический философ Макс Шелер [17, с. 34-35]. Именно такая рефлексия становится ответом на глубинные размежевания, накопленные культурой.

Верит ли в русской культуре бунтующий человек Невскому проспекту? Осознаёт ли его трагизм и конечность наслаждения? Видимо, нет. Тем не менее у человека сопротивления в русской культуре, наверняка, есть собственное объяснение подобного контраста с собственной участью и собственным выбором.

Приближение идиллии в русской культуре зачастую предполагается через наступление темноты. Наступление новой реальности требует преодоления кризисов и тёмных, ночных сторон жизни. Вспомним Василия Розанова и его «долгие ноченьки», связывающиеся с русской жизнью. Равно, как и в других культурах, в русской культуре ночь может поэтизироваться. В ночи реализуются самые невероятные и смелые замыслы. Ночь – время грёзы. Русская культура раскрывается через причудливое сопряжение светлого и тёмного. Социальный и политический контроль ночью значительно снижаются в своих возможностях, уравнивая шансы акторов, решившихся нарушить существующие традиции и предписания. Вспомним эпизоды с похищением возлюбленной в «Тупейном художнике» Николая Лескова. Так Долохов пытается выкрасть Наташу Ростову. Венчание ночью, тайно, вопреки общественному мнению, безусловно, требует поддержки темноты. Так планируют осуществить свои прекрасные замыслы влюблённые в пушкинскую «Метели».

Диалектика светлого и тёмного приобретает дополнительную пронзительность, глядя на то, как она располагается в контексте политического. Власть и общество, как правило, всегда находятся по разные стороны, застывая в специфической диспозиции.

Власть не экономит на самой себе, но в то же время экономит на *других*. Примеров соотношения *светлого* и *тёмного* в пространстве власти довольно много.

Центр выглядит всегда более шумным и звучным, нежели провинция. Высокая сосредоточенность институтов власти, большая чиновничья масса, равно, как и большая объектная масса, на которую направлена власть, предполагает выработку значительных объёмов политического письма, которое предварительно анонсируется, проговаривается. Нужно понимать, что власть представляет собой постоянное говорение, монотонную, назидательную речь, объём которой значительно вырастает по мере достижения центра.

Власть всегда опрятнее, нежели её оппоненты, потому как поддержание чистоты и гигиена выступают специфическим инструментом, функционирование которого необходимо своевременно оплачивать. Именно отсюда берёт своё отсчёт многочисленный аппарат власти, функционал которого как раз связывается с обеспечением чистоты и санитарии.

Как уже отмечалось, большинство усилий коммунальной машины направлено на уборку центра. Именно там разбиты клумбы, стригутся кустарники и поддерживаются в чистоте газоны. Неслучайно, центр, зачастую, выступает средоточьем каких-то абсурдистских практик, направленных на вызывание лояльности со стороны вышестоящей власти. Именно поэтому, в России на декорациях, прикрывающих убогие и обветшавшие фасады, имитируются здания, окна и даже цветочные горшки с радостными лицами, которые сложно проверить на достоверность из окон проносящихся кортежей власти. Так, накануне приезда В. Путина жители Омска «с юмором комментировали фотографии покрашенной травы у хоккейной академии «Авангард». Некоторые вспоминали, как занимались тем же самым в армии перед приездом высокого начальства» [12].

Великолепие центра, его опрятность и высокий стиль служат как будто дополнительными аргументами качества жизни, многообещающих возможностей. Неслучайно именно центр выступает точкой трудовой миграции. Динамика в центре значительно более интенсивная, нежели в провинции. Движение людей, капиталов в центре является более объективным. В центре чаще происходят политические события, визуализирующиеся прежде, чем они даже становятся предметом обсуждения в глобальной сети. Как ещё в своё время отмечал американский социолог Харви Молотч, город выступает своеобразной машиной роста, специфическим тренажёром, позволяющим реализовать свои жизненные и карьерные стратегии не только отдельным гражданам, но и представителям политической элиты [20, с. 309-322]. Сегодня, глядя на то, как быстро осваиваются городские пространства и как моментально захватываются зелёные зоны в крупных городах девелоперами, как бурно растёт транспортная инфраструктура, мысль Х. Молотча получает убедительные доказательства.

В центре более заметно социальное расслоение, зафиксированное в диспозиции «верха» и «низа». Нужно понимать, что вертикальный мир изначально достаточно историчен, о чём когда-то говорил Михаил Бахтин [2, с. 307]. Российские кейсы не выглядят исключением. Убедительной метафорой подобного расслоения может быть жизнь социума, пользующегося подземкой. В тот самый момент открываются все «преlestи» COVID-ограничений и досмотра на входе. Жители центра, позволяющие себе передвигаться на автомобилях, по крайней мере, могут быть избавлены от подобных унижительных процедур. Чем выше позиция человека в иерархической вертикали, тем меньше ему приходится тратить времени на контакты с технической бюрократией. Принимая во внимание петровский «табель о рангах» или советские номенклатурные формальные и неформальные изводы, данная мысль, кажется регулярно перепроверяе-

мой историческими примерами. Великолепие жизни в центре оказывает давление и на имидж представителей власти, старающихся следовать высокому стилю и вкладываться в собственные бьюти-практики. Вместе с тем подобное увлечение собой, вписывающееся в практики «заботы о себе», концептуализированные Мишелем Фуко в «Истории сексуальности», определённо попадают в поле иронической рефлексии [18]. Власть должна постоянно маркировать себя особым дресс-кодом, следуя за стилем вышестоящего начальства. Но не все, участвующие в этом невольном флэшмобе, могут верно угадать с соответствием гардеробного заимствования собственному стилю.

В этом увлечении можно увидеть следование принципу регулярного государства, правящий класс которого излишне ориентирован на ритуальную сторону политики, устанавливающую «зависимость общественного положения человека от его места в служебной иерархии», о чём когда-то писал Юрий Лотман [9, с. 32].

В пространстве власти центру уделяется максимум внимание, потому как является витриной благосостояния и качества жизни. Отсюда, стоимость жизни в центре неизменно увеличивается, создавая иллюзорное ощущение всеобщего довольства. Качество жизни в центре может быть достаточно высоким, правда вместе с тем это вовсе не означает, что такой уровень может позволить себе большинство жителей.

Российская провинция: депрессия или ностальгия?

Безусловно, пространство власти – это не пространство одного центра, одной столицы. «Петербург не есть Россия» [4, с. 388]. Государство – пространство не только исключительно одного города, центра. Государство не может быть целиком полностью состоящим из блистательного и образцового центра. Безусловно, ради блеска и процветания центра как части единого целого требуется достаточно экономное и скромное существование и провинции – забытой, укромной периферии.

И если центр в рамках отдельного государства, как отмечалось выше, может блистать великолепием и довольством, то в провинции, наоборот, может производиться обратное настроение. Более медленная и скучная жизнь будет придавать провинции идиллический характер. Именно этим российская провинция оказывается притягательной для многочисленных гостей из мегаполисов, которые в течение какого-то времени могут наслаждаться окружающим *небытием* – тишиной, замиранием жизни, медленными жителями и приятным ценообразованием. Идиллическое небытие зачастую за ширмой имеет совершенно трагическую изнанку – отсутствие элементарных благ, обрешающиеся дома, общий трагизм ситуации.

Качество жизни в российской провинции сегодня значительно уступает качеству жизни в центре. Отсутствие высоких зарплат и доступа к качественной инфраструктуре в современной российской провинции не являются каким-то откровением. Долгая реакция администрации на те или иные проблемы вынуждает население пробовать управлять самим, то есть заниматься самоуправством. Информационный дискурс современной России периодически захватывается сюжетами с поля – своеобразными сводками борьбы за существование, схватками за право жить. В информационных сводках периодически можно увидеть новости о том, как люди самостоятельно сделали ремонт, отсыпали дорогу, построили мост и т.д. Власть, отчасти, может уступить инициативу обыкновенному человеку, дорабатывающему за саму власть. Так, в современной России довольно популярны формы всяческих жилищных сообществ, ТОСов и т.д., в рамках которых люди самоорганизуются для решения текущих проблем. В ситуации дефицита не только экономического, но и социального, местная власть по определению не может дистанцироваться от накапливающихся локальных вызовов.

В российской провинции человек оказывается один на один с природой, случаем – драматизм исторического процесса оказывается каким-то невнятным шумом. Вспомним, какими маленькими на фоне самого города показались люди горьковскому Климу Самгину – рефлекторному интеллектуалу из провинции, приехавшему в Петербург. Вообще, «маленький человек», концептуализированный в русской культуре, ещё в XIX веке, в провинции кажется ещё меньшим по своим параметрам. Маленький человек оказывается как будто оставленным в большом, широком пространстве, и, как отмечает П. Вайль, отсюда обеспечивается «несовпадение масштабов человека и событий» [4, с. 306].

Экзистенциальное состояние человека в российской провинции, его заброшенность властью существенно снижают легитимность государства и его метафорические руки – чиновничью массу. Человеку кажется, что его выживание зависит только от него самого, а помощи от власти следует ожидать лишь в самых критических случаях. Безрезультатные и подчас даже оскорбительные практики взаимодействия с властью на местах вполне логично приводят к ситуации, которую Хайнц Абельс в одном из своих текстов назовёт «охлаждением», предполагающим примирение с несправедливостью [1, с. 204].

«Чем глуше деревня, тем люди натуристей, чище, а управление хуже: на глухие места людей не хватает», - отметил в «Дневниках» М. Пришвин [13, с. 237]. Вряд ли можно себе представить небогатого депутата в столичной городской думе, где сегодня практически невозможно увидеть сельского библиотекаря и пенсионера, социального работника или водителя. Депутаты в российской провинции достаточно небогаты. В законодательную власть муниципалитетов, не говоря уже о сельских поселениях, добирают едва ли не по остаточному принципу. Работа во власти не приносит дохода, но отнимает массу времени, потому как дискурс власти в России на всех её уровнях предельно зарегулирован.

Качество исполнительной власти и её легитимность могут быть оценены отчасти по одному из сюжетов с недавних местных выборов в Костромской области, где главой одного сельского поселения была избрана уборщица – технический кандидат действующего главы. Автору уже приходилось наблюдать схожие иронические повороты на местных выборах, показывающих реальное доверие действующей власти в провинции. Многочисленные примеры показывают, как судьба избирательной кампании на самых нижних уровнях власти может быть решена за счёт нескольких голосов. Вместе с тем чем выше уровень политики, тем сложнее представить себе подобную ситуацию. Региональная и федеральная власть в современной России в большей степени предохранена от вызовов делегитимации.

Власть на местах оказывается в ситуации, когда ей приходится постоянно бороться с дефицитом бюджета, что невольно проецируется и на её образ. В такой ситуации власть становится в большей степени просматриваемой «снизу» - расходы власти моментально становятся объектом пристального внимания. Новый автомобиль (порой максимально бюджетный и по-провинциальному скромный), купленный чиновником администрации, моментально рассматривается как производное его положения. В то же время автору приходится наблюдать, как главу одного из муниципальных образований в Липецкой области часто упрекают за то, что он носит один и тот же пиджак.

Частые экономические ограничения власти в муниципалитетах могут быть вызваны постоянной ориентацией на позицию вышестоящего начальства и многочисленные надзорные инстанции. При этом важным моментом является и чувство политической конъюнктуры. У действующих глав администраций муниципалитетов на местах есть свои любимчики, и это является общим правилом для всех субъектов РФ. Поэто-

му, любая смена власти в муниципалитетах может как способствовать, так и затруднять последующие легитимационные процедуры местной власти.

Дефицит власти в провинции сказывается и на свободе решения финансовых проблем. Финансовые потоки просматриваются, власть не может привлечь лишние средства для решения текущих вопросов, которые нужно заранее планировать. Поэтому на местах могут возникать ситуации, которые для обывателя, впервые сталкивающегося со странной экономией власти, вызывают определённое недоумение. Местная власть во многом зависит и от представителей бизнеса, периодически помогающих ей в решении текущих организационных и управленческих вопросов. Бизнес вкладывается в проведение различных мероприятий, устраивает фейерверки и финансирует полевые кухни, помогает спортсменам и талантливой молодёжи. Средства спонсоров, безусловно, не предоставляются местной власти просто так. Каждое вложение предполагает ответную лояльность власти, которая, впоследствии конвертируется в различные формы последующих даров и уступок. Зачастую «кошельки» местной власти в тех или иных муниципалитетах субъектов РФ могут идентифицироваться по наличию депутатского мандата либо инкорпорированности родственников во власть.

Дефицит власти в провинции означает дефицит самих институций, осуществляющих власть и способных оказаться рядом с человеком в тот момент, когда в них возникает необходимость. Зачастую, в современной российской провинции можно увидеть ситуации, когда функции власти максимально сопрягаются в той институции, которая на конкретный момент времени может функционировать более или менее исправно. В частности, таковой институцией может являться структура «Почта России». Глядя на ассортимент товаров, представленных внутри сельских отделений (вплоть до замороженного мяса и рыбы), становится понятно, что она становится своеобразным центром власти. Почта торгует мылом и порошком, наряду с выдачей наличных денег и почтовых отправок, оплаты коммунальных платежей и пополнения номера мобильного телефона. В ряде почтовых отделений сегодня в российской провинции открыты филиалы «Почта-Банк». Почта выступает хранилищем персональных данных и даже местом, где можно получить первичную медицинскую помощь. Тем самым в провинции бюрократия максимально сжимается, концентрируясь в одном месте. Упрощение управляемости как раз и приводит к подобным причудливым функциональным коллаборациям.

В провинции традиционно сложнее контролировать человека по сравнению с тем разнообразным набором механик, заставляющих его испытывать косвенное давление власти в мегаполисах. Отсюда, человек как будто бы становится склонным к правовому нигилизму. Интересно, самым популярным сюжетом, говорящим о склонности российских провинциалов к воспроизводству и легитимации анархических практик, является игнорирование правил дорожного движения, которое, в принципе, сложно допустить в мегаполисах. Частым сюжетом является управление транспортным средством без прав, потому как обеспечить контроль попросту некому. Зачастую в провинции можно увидеть причудливое творчество по установке авторских дорожных знаков. Подобные практики, безусловно, говорят как о медленной, равно, как и достаточно экономной повседневной провинциальной реальности. Провинциальный быт выглядит в какой-то степени идиллическим. В нём мало скорости, мало событий. Идиллический мир, следуя М. Бахтину, строго ограничен немногочисленными реальностями жизни, такими как «любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возраст» [2, с. 374].

В российской провинции сегодня достаточно подобных мест, где повседневная идиллическость максимально проявляет себя. Некоторые российские провинциальные городки, обладающие достаточно значительным культурным слоем, зачастую и пози-

ционируют себя для потенциальных туристов как места, где остановилось время. Таксофонные будки, старые автобусы и остановки, водяные колонки, откуда можно бесплатно взять воды, плодовые деревья, нависающие над серыми заборами, выступают молчаливыми доказательствами провинциальности, равно, как и дефицита бюрократии. Для того, чтобы справиться с провинциальностью, нужно много сил и средств.

Дефицит власти в провинции может компенсироваться природными дарами, стоимость которых в центре несоизмеримо высока. Сколько стоит в центре тишина, чистый воздух, спокойствие? Отчасти именно данные аргументы выступают одними из ключевых при выборе карьерных треков как представителями власти, так и обыкновенными людьми.

Вместо заключения

Таким образом, несмотря на производимое целостное впечатление, пространство власти выглядит достаточно разорванным, представляясь в разных качественных состояниях в зависимости от конкретного локуса. Разорванность пространства, её постоянная склонность к делимости оказывает соответствующее влияние и на саму власть, образы которой становятся зависимыми от фактического наполнения пространства политическими институтами и событиями. Приведённые примеры подтверждают это, равно, как и сам факт интеллектуальной рефлексии, отмечавший двойственность политического пространства в России.

Наверно, ни одно размежевание не обладает такими серьёзными визуальными эффектами между центром и провинцией. Именно оно предоставляет ту совершенно невыгодную картинку, которую маскируют ширмами успешности.

В центре власть по определению не может связываться с дефицитом ресурсов, поэтому её бытие в полной мере подчёркивается разнообразием и великолепием. В значительной степени этому способствуют имиджевые моменты, влияющие на легитимацию самой власти. Наоборот, в провинции власть может выглядеть куда более экономно и сдержанно. Этому есть своё объяснение, ведь местная власть не может распределять большие финансовые потоки. В современной России данная противоречивость в полной мере является актуальной и с каждым политическим циклом только усиливается. На наш взгляд, увеличение разрывов в пространстве политического может служить определённо тревожным сигналом для правящей элиты.

Литература

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб: Алетейя, 2000. – 272 с.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Художественная литература, 1975. - 504 с.
3. Биллингтон Д. Лики России. Страх, надежда и созидание в русской культуре. - Москва: Логос, 2001. – 248 с.
4. Вайль П. Свобода – точка отсчёта. О жизни, искусстве и о себе. – Москва: Астрель, 2012. - 701 с.
5. Гачев Г. Национальные образы мира: курс лекций. – Москва: Академия, 1998. – 432 с.
6. Гоголь Н.В. Мёртвые души. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1979. – 368 с.
7. Ерофеев В. Москва – Петушки. – Москва: Вагриус, 2001. – 188 с.
8. Канетти Э. Масса и власть. – Москва: Ad Marginem, 1997. – 527 с.

-
9. Лотман Ю. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). – СПб.: Азбука, 2017. – 608 с.
 10. Луман Н. Власть. – Москва: Праксис, 2001. – 256 с.
 11. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 456 с.
 12. Перед приездом Путина в Омске красят траву [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://www.omskinform.ru/news/135299> (дата обращения: 26.04.2021).
 13. Пришвин М.М. Дневники. 1923-1925. – СПб.: Росток, 2009. – 559 с.
 14. Рышка Ф. Границы политической власти // Элементы теории политики. Пер. с польского. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. – С. 94-116. – 448 с.
 15. Сквоиков А.К., Преждарова В.Г., Шумилов А.В. Государственный суверенитет в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации // Politbook. – 2023. – № 1. – С. 58-69.
 16. Тынянов Ю. Кюхля. Рассказы. – Москва: Правда, 1981. – 560 с.
 17. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.
 18. Фуко М. Забота о себе: история сексуальности. – Киев-Москва: Дух и літера, Рефл-Бук, 1998. – 282 с.
 19. Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective, Lipset S.-M., Rokkan S. – New York, London: Free Press, 1967. - Pp. 1-61.
 20. Molotch H.R. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. // American Journal of Sociology. 1976. - Vol. 82. - No 2. - Pp. 309-332.

References

1. Abel's H. 2000. Interakciya, identichnost', prezentaciya. Vvedenie v interpretativnuyu sociologiyu. - SPb: Aletejya. - 272 s.
 2. Bahtin M. Voprosy literatury i estetiki. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1975. - 504 s.
 3. Billington D. Liki Rossii. Strah, nadezhda i sozidanie v russkoj kul'ture. – Moscow: Logos, 2001. - 248 s.
 4. Vajl' P. Svoboda – tochka otschyota. O zhizni, iskusstve i o sebe. – Moscow: Astrel', 2012. -1 701 s.
 5. Gachev G. Nacional'nye obrazy mira. Kurs lekcij. – Moscow: Akademiya, 1998. – 432 s.
 6. Gogol' N.V. Myortvye dushi. – Perm': Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. – 368 s.
 7. Erofeev V. Moskva – Petushki. – Moscow: Vagrius, 2001. – 188 s.
 8. Kanetti E. Massa i vlast'. – Moscow: Ad Marginem, 1997. – 527 с.
 9. Lotman YU. Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII-nachala XIX veka). – SPb.: Azbuka, 2017. – 608 s.
 10. Luman N. Vlast'. – Moscow: Praksis, 2001. – 256 s.
 11. Lyubbe G. V nogu so vremenem. Sokrashchyonnoe prebyvanie v nastoyashchem. - M.: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2016. – 456 s.
 12. Pered priездом Putina v Omske krasyat travu [Elektronic resource]. Access to the electronic resource: <https://www.omskinform.ru/news/135299> (data obrashcheniya: 26.04.2021).
-

-
13. Prishvin M.M. Dnevniky. 1923-1925. – SPb.: Rostok, 2009. – 559 s.
 14. Ryshka F. Granicy politicheskoy vlasti // Elementy teorii politiki. Per. s pol'skogo. - Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1991. – S. 94-116. – 448 s.
 15. Skovikov A.K., Prezhdarova V.G., SHumilov A.V. Gosudarstvennyj suverenitet v usloviyah globalizacii, setevizacii i cifrovizacii // Politbook. – 2023. – № 1. – S. 58-69.
 16. Tynyanov YU. Kyuhlya. Rasskazy. – Moscow: Pravda, 1981. – 560 s.
 17. SHeler M. Resentiment v strukture moralej. - SPb.: Nauka, Universitetskaya kniga, 1999. - 231 s.
 18. Fuko M. Zabota o sebe: istoriya seksual'nosti. – Kiev – Moskva: Duh i litera, Refl-Buk, 1998. – 282 s.
 19. Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective, Lipset S.-M., Rokkan S. - New York, London: Free Press, 1967. – Pp. 1-61.
 20. Molotch H.R. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. // American Journal of Sociology. 1976. – Vol. 82. – № 2. – Pp. 309-332.

ПОНЯТИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И УГРОЗЫ

Ю.В. Голик*, С.С. Рыбалко**, Ю.А. Чернышева**

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
(Москва, Россия)

**Елецкий государственный университет им И.А. Бунина,
(Елец, Россия)

***Аннотация.** В статье затронута проблема современного состояния религиозной безопасности в Российской Федерации. Автором исследуется содержание понятия «религиозная безопасность», с учётом достижений правовой науки и анализа законодательства. На основании чего предлагается своё определение религиозной безопасности. Перечисляются виды угроз религиозной безопасности – распространение идей религиозно-экстремистских группировок, распространение религиозно-окультистских синкретических учений, астрологии, магии, псевдоэкстрасенсов и колдунов. Основной мыслью является вывод автора о необходимости более активного участия государства в вопросах защиты религиозной безопасности в сложившихся современных реалиях.*

В статье отмечается, что религиозная безопасность – это государственная деятельность, направленная на защиту российского общества от деструктивного воздействия идеологий экстремистского содержания, псевдоучений тоталитарных сект и деструктивных культов, оккультизма, колдовства, магии и на достижение стабильного состояния для самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России. Автор подчёркивает, почему будет правильным включить в определение религиозной безопасности виды прямых угроз. Отдельное внимание уделено общим признакам, характеризующим угрозы религиозной жизни общества, и рассмотрено их содержание. Это универсальность проникновения в жизнь человека, семьи, народа (а с учётом Интернет - пространства и цифровых технологий этот процесс еще и упрощается) и идентичность объектов, на которые непосредственно посягают угрозы религиозной безопасности. В статье обозначены традиционные ценности, на которые посягают угрозы в сфере религиозной безопасности: идеалы патриотизма, служение Отечеству, естественное продолжение жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру. Как итог, автор делает вывод, что данные ценности составляют содержание такого понятия, как национальная безопасность государства, которая является основой существования государства.

***Ключевые слова:** религиозная безопасность, угрозы религиозной безопасности, традиционные ценности общества, деструктивное воздействие, национальная безопасность.*

DOI 10.24888/2949-3293-2023-3-3-67-73

THE CONCEPT OF RELIGIOUS SECURITY: CURRENT STATE AND THREATS

Yuri V. Golik*, Sophia S. Rybalko**, Yuliya A. Chernysheva**

*Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

**Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

***Abstract.** The article touches upon the problem of the current state of religious security in the Russian Federation. The author explores the content of the concept of "religious security", taking into account the achievements of legal science and analysis of legislation. On the basis of which a definition of religious security is proposed. The types of threats to religious security are listed – the spread of ideas of religious extremist groups, the spread of religious and occult syncretic teachings, astrology, magic, pseudo-psychics and sorcerers. The main idea is the author's conclusion about the need for more active participation of the state in the protection of religious security in the prevailing modern realities.*

The article notes that religious security is a state activity aimed at protecting Russian society from the destructive influence of extremist ideologies, pseudo-teachings of totalitarian sects and destructive cults, occultism, witchcraft, magic and at achieving a stable state for the original development of confessional traditions of all peoples of Russia. The author emphasizes why it would be correct to include types of direct threats in the definition of religious security. Special attention is paid to the general signs characterizing threats to the religious life of society and their content is considered. This is the universality of penetration into the life of a person, family, people (and taking into account the Internet space and digital technologies, this process is also simplified) and the identity of objects that are directly encroached upon by threats to religious security. The article identifies traditional values that are encroached upon by threats in the sphere of religious security: the ideals of patriotism, service to the Fatherland, natural continuation of life, the values of a strong family, marriage, large families, creative work, positive contribution of Russia to world history and culture. As a result, the author concludes that these values constitute the content of such a concept as the national security of the state, which is the basis of the existence of the state.

***Keywords:** religious security, threats to religious security, traditional values of society, destructive impact, national security.*

В Российской Федерации (далее, РФ) на современном этапе сложилась противоречивая ситуация в религиозной сфере. 12 декабря 1993 года была принята Конституция РФ, статья 14 которой закрепила, что «РФ – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [1]. На первый взгляд, такой взвешенный и равноправный подход, основанный на полном невмешательстве государства в эту очень уязвимую область человеческой жизни, должен был привести к стабильному и неконфликтному существованию различных религиозных конфессий на территории страны, сбалансировать интересы абсолютно разных этносов, групп, народов и, в целом, привести к мирному сосуществованию. Однако последующие 30 лет такой позиции государства привели к обратным процессам и возникновению ряда серьёзных угроз в религиозной сфере, последствия которых отразились уже в области национальной безопасности всего государства.

За тридцать лет существования страны на её территории возникли и распространились такие угрозы религиозной безопасности, как крайние идеологии экстреми-

стского содержания с призывами к насилию против всех, кто их не придерживается; тоталитарные секты и деструктивные культы, угрожающие жизни, здоровью и собственности граждан России; оккультизм, колдовство и магия. Однако не только внутри государства существуют указанные угрозы, они могут носить и внешний характер. Например, языческие ритуалы неонацистов на Украине [3], цель которых уничтожение православия и его носителей, а в целом всей России как государства. Главное здесь – что источником возникновения внешних угроз является религиозная сфера, уязвимость которой заключается еще и в том, что она, как правило, является подконтрольной и управляемой со стороны иностранных спецслужб и разведок. Деятельность последних направлена на разрушение основ национальной безопасности государства. Правильным ли будет в такой ситуации и дальше придерживаться содержания ст. 14 Конституции РФ в смысле невмешательства государства в религиозную сферу жизни общества?

Постепенно общественные и государственные публичные лица, учёные, философы, эксперты, религиоведы, социологи и др. стали приходить к выводу (а многие из них первоначально их и придерживались), что религия не может быть явлением, полностью отделённым от контроля государства; что религиозные ценности должны быть объектом защиты со стороны государства; что самые жестокие конфликты между народами возникают в большей степени на религиозной почве, и кто-то умело этим пользуется; и, что самое важное, религиозная безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности всего общества. Поэтому небезосновательно, а именно, понимая степень значимости религиозного фактора в жизни человека с учётом современной опасной ситуации, в которой находится страна, Президент РФ 9 ноября 2022 года принял Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее, Указ Президента РФ № 809). В нём говорится о том, что религия получает статус традиционных ценностей, а меры по её защите возводятся в ранг государственной политики. Также в Указе № 809 отмечается, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, которые являются основой российского общества, позволяют защищать и укреплять суверенитет России, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей осуществляется в области межрелигиозных отношений, в реализации которой участвуют федеральные органы исполнительной власти, ведающие вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, общественной безопасности и иные органы публичной власти в пределах своих полномочий [2]. Исходя из этого, можно отметить, что в реализацию государственной политики в сфере религии в современных условиях теперь включены силовые структуры страны. А это уже говорит о злободневности и важности обозначенной проблемы.

Поэтому актуальность данной статьи обусловлена тем, что, несмотря на обеспечение со стороны государства свободы религиозной жизни и провозглашения терпимого отношения граждан к разнообразию религиозных взглядов – степень угроз в данной сфере не уменьшается, а количество конфликтов растёт. Это говорит о том, что данная проблема не утратила своей исследовательской и практической значимости и требует более серьёзного подхода по правовой защите со стороны государства.

В настоящее время вопросам религиозной безопасности и её угрозам уделено значительное внимание в работах С. В. Козлова [6], И. А. Тарасевича [12], Ю. В. Сластилина [11], Ю. Г. Носкова [8], С. И. Петрова, В. В. Пыжова [10], А. И. Овчинникова [9], А. В. Жукова [4], Я. А. Лонского [7], И. Г. Каргиной [5] и др. Под религиозной

безопасностью России в правовой науке предлагают понимать состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в религиозной сфере, необходимое для стабильного конституционного развития Российской Федерации [6, с. 18]. А. И. Овчинников отмечает, что религиозная безопасность России – это состояние стабильного и самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России [9, с. 12]. Более широкое определение данному понятию даёт С. В. Козлов: «Религиозная безопасность – это состояние стабильного существования, воспроизводства и самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России, основным объектом защиты которого является конфессиональная идентичность, базирующаяся на устойчивых системах морально-нравственных ценностных предпочтениях» [6, с.18]. Мы присоединяемся к позициям вышеуказанных учёных и считаем, что фактор стабильности и защищённости является основой для существования религиозной безопасности в обществе, для его воспроизводства и самобытного развития многоконфессионального государства.

С учётом вышеприведённых позиций учёных и задач, поставленных в Указе Президента РФ № 809, предлагаем следующее определение. Религиозная безопасность – это государственная деятельность, направленная на защиту российского общества от деструктивного воздействия идеологий экстремистского содержания, псевдоучений тоталитарных сект и деструктивных культов, оккультизма, колдовства, магии и на достижение стабильного состояния для самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России. По нашему мнению, будет правильным включить в определение религиозной безопасности виды непосредственных и прямых угроз, так как это даёт представление о значимости и важности данной сферы общественной жизни.

Как уже говорилось ранее, стабильное состояние религиозной безопасности не может существовать само по себе, его необходимо охранять и защищать от внутренних и внешних угроз, распространение которых влечёт за собой риски для национальной безопасности существования всего государства. В правовой науке выделяют следующие угрозы в религиозной сфере: «функционирование новых религиозных организаций и объединений, пришедших на территории России из-за рубежа и спонсируемых иностранными фондами, главными целями которых является атомизация, денационализация, депатриотизация общества; распространение идей религиозно-экстремистских группировок, главной целью которых является отделение от России некоторых территорий и создание на них теократических режимов; распространение религиозно-оккультных синкретических учений, астрологии, магии, различных псевдоэстрасенсов и колдунов» [9, с. 11]. Эти угрозы могут быть как внутренними, так и внешними. Каждое из перечисленных видов угроз религиозной безопасности представляет собой отдельное направление для исследования, но все они характеризуются двумя общими признаками.

Первый – это универсальность проникновения в жизнь человека, семьи, народа. Дело в том, что религия, представляя собой на первый взгляд нематериальное, а духовное явление, приводит по итогу к вполне материальным последствиям. В жизни любого человека присутствует духовный аспект, выраженный через то или иное религиозное учение, предлагающее человеку (требующее от него) соблюдения определённого набора правил поведения. Прежде чем человек начнёт проявлять свои действия и поступки в реальном мире – сначала в его сознании сформируется мировоззрение, то есть взгляды на происходящие в обществе явления. И если его мировоззрение будет сформировано под влиянием деструктивных и экстремистских религиозных учений и псевдокультов, призывающих к террору, насилию, убийствам, мошенничеству и пр., то такой человек не будет просто пассивно верить в эти отрицательные учения и спокойно жить

со своей верой в обществе (не для этого создавался такой псевдокульт), а пойдёт совершать как раз те преступления или правонарушения, к которым его призывает религиозный псевдокульт и которые ему преподносятся как «благо», «избранность на роль спасителя мира» и др. То есть, опасность религиозных экстремистских учений заключается в их всепроникающей возможности в жизнь человека, да еще с учётом Интернет – пространства и цифровых возможностей, в которые погружены современные люди.

Второй – это объекты, на которые посягают угрозы религиозной безопасности. Еще раз подчеркнём, несмотря на то, что каждая угроза в отдельности имеет свои причины возникновения, эволюцию развития и отличающие особенности – в целом, итог от их осуществления всегда один – разрушение национальной безопасности. Иными словами, угрозы в сфере стабильного и безконфликтного религиозного существования общества направлены на уничтожение тех традиционных ценностных объектов, которые и составляют содержание национальной безопасности государства. Здесь будет уместным опять обратиться к Указу Президента РФ № 809, в котором чётко выделены виды объектов, на разрушение которых направлены угрозы, возникающие, в том числе и в религиозной сфере. В Указе № 809 справедливо отмечается, что идеологическое и психологическое воздействие на граждан деструктивных идеологий ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру; распространение деструктивной идеологии влечёт за собой создание условий для межрегиональных конфликтов (п. ж ч. 17) [2]. Следовательно, независимо от того, какая именно угроза религиозной безопасности сформировалась, общественные объекты, на которые она посягает, являются идентичными.

Перед государством и всем обществом в современной ситуации поставлена сложная цель по противодействию угрозам в сфере религиозной безопасности, а также сохранению и укреплению того стабильного состояния, которое позволяет свободно и мирно существовать на территории огромной страны разным религиозным течениям и конфессиям – христианству, православию, исламу, буддизму и другим религиям, направленным на поступательное и созидательное развитие жизни людей, повышение их духовного уровня и мирного сосуществования. Достижение данной цели предполагает реализацию ряда важных задач. И если говорить о религиозной безопасности, то в этой сфере деятельность государства должна быть направлена на более активную поддержку религиозных организаций традиционных конфессий, распространение широкого их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных ценностей и противодействия деструктивным религиозным течениям.

Заключение

Таким образом, позиция государства о невмешательстве в религиозную сферу жизни общества на современном этапе является не соответствующей тем реалиям, в которых оказалось общество. Современные угрозы религиозной безопасности - религиозные организации, пришедшие на территорию России из-за рубежа и спонсируемые иностранными фондами, распространение идей религиозно-экстремистских группировок, распространение религиозно-окультурных синкретических учений, астрологии, магии, псевдоэктрасенсов и колдунов объективно требуют более активной государственной политики в данной сфере. Ведь в конечном итоге речь идёт об уничтожении объектов национальной безопасности, что ставит под угрозу существование всего государства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Доступ на СПС «Консультант Плюс».
2. Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Доступ на СПС «Консультант Плюс».
3. В социальные сети с началом специальной военной операции стали попадать ролики с языческими ритуалами нацистов. На одном из видео азовцы обустривают капище Перуна и массово проходят обряд кровопускания. На другой записи изображен сатанинский алтарь со свечами, амулетами, пентаграммами и куклами-вуду // Почему язычество стало фундаментом неонацизма. URL: <https://grataned.com>laravel>filemanager>files> (дата обращения 15.10.2023).
4. Жуков А. В. Религиозная безопасность в научном и политическом дискурсе постсоветской России // Вестник ЗабГУ. – 2017. – № 12. – С. 77-87.
5. Каргина И. Г. Религия и конфликт: современные доминанты предметного поля социологического анализа // Социология и общество. – 2016. – № 20. – С. 48-62.
6. Козлов С. В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности // Правоведение. – 2016. – № 11. – С. 19-21.
7. Лонский Я. А. Религиозный экстремизм: влияние иммиграции на национальную безопасность России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 1 (17). – С. 180-186.
8. Носков Ю. Г. Социально-философский анализ воздействия религиозного фактора на национальную безопасность: дис. ... канд юрид. наук. – Москва, 2000. – 332 с.
9. Овчинников А. И. Религиозная безопасность России и роль права в её обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. - № 3. – С. 7-15.
10. Петров С. И., Пыж В. В. Религиозный фактор и проблемы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации // Вопросы политологии. – 2018. – № 12 (40). – С. 1173-1188.
11. Сластилина Ю. В. Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. – Архангельск, 2006. – 215 с.
12. Тарасевич И. А. религиозная безопасность Российской Федерации как объект конституционно-правового исследования // Проблемы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 23-25.

References

1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 // Access to the SPS "Consultant Plus".
 2. On the approval of the foundations of the state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 // Access to the SPS "Consultant Plus".
 3. With the beginning of a special military operation, videos with pagan rituals of the Nazis began to disappear on social networks. In one of the videos, the residents of Azov equip the temple of Perun and massively undergo a bloodletting ceremony. Another entry depicts a Satanic altar with candles, amulets, pentagrams and voodoo dolls // Why paganism became the foundation of neo-Nazism. URL: <https://grataned.com >laravel>filemanager>files> (accessed 10/15/2023).
-

-
4. Zhukov A.V. Religious security in the scientific and political discourse of post-Soviet Russia // Bulletin of ZabSU. – 2017. – № 12. – Pp. 77-87.
 2. Kargina I. G. Religion and conflict: modern dominants of the subject field of sociological analysis // Sociology and Society. – 2016. – № 20. – Pp. 48-62.
 3. Kozlov S. V. Legal mechanisms for ensuring religious security // Jurisprudence. - 2016. – №. 11. – Pp. 19-21.
 4. Lonsky Ya. A. Religious extremism: the impact of immigration on the national security of Russia // Economic and socio-humanitarian studies. – 2018. – № 1 (17). – Pp. 180-186.
 5. Noskov Yu. G. Socio-philosophical analysis of the impact of the religious factor on national security: Dis. ... candidate of law. – Moscow, 2000. – 332 p.
 6. Ovchinnikov A. I. Religious security of Russia and the role of law in its provision //North Caucasian Legal Bulletin. – 2014. – № 3. – Pp. 7-15.
 7. Petrov S. I., Pyzh V. V. Religious factor and problems of ensuring national security in the Russian Federation // Questions of political science. – 2018. – № 12 (40). – Pp. 1173-1188.
 8. Slastilina Yu. V. Freedom of religion in the Russian Federation: legal regulation and ensuring religious security: Dis. ...cand. jurid. sciences'. – Arkhangelsk. 2006. – 215 p.
 9. Tarasevich I. A. religious security of the Russian Federation as an object of constitutional and legal research // Problems in Russian legislation. – 2018. – № 2. – Pp. 23-25.

НАШИ АВТОРЫ

Алонцева Дина Викторовна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: dina.alontseva@mail.ru

Голик Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (Москва, Россия), почтовый адрес: 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12; электронная почта: e-mail: ygolik@list.ru

Диденко Марина Сергеевна, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Ростов-на-Дону), почтовый адрес: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54; электронная почта: marina.didenko.2022@inbox.ru

Иншакова Ксения Павловна, обучающаяся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: kp.inshakova@dominantsugar.ru

Мирончуковская Виктория Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: bosfor4878@mail.ru

Надточий Игорь Олегович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, русского и иностранных языков Воронежской государственной академии спорта (Воронеж, Россия); почтовый адрес: 394036, г. Воронеж, Воронежская область, ул. Карла Маркса, 59; электронная почта: kanc@vgifk.ru

Несынова Мария Сергеевна, обучающаяся третьего курса (направление подготовки 44.03.04 Профессиональное обучение (по отраслям), направленность Правоведение и правоохранительная деятельность) Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: nesynovamasha5@gmail.com

Перепелица Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: perepelitsa.doc@gmail.com

Ратникова Наталья Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский филиал Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, почтовый адрес: 394033, Воронежская область, г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 174л (г. Воронеж, Россия); электронная почта: natasha.rat@yandex.ru

Рыбалко София Сергеевна, обучающаяся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: fisher.sofia@yandex.ru

Скиперских Александр Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им.

И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: pisatels@mail.ru

Чернышева Юлия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: lavytrans@mail.ru

Шатковская Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАХиГС при Президенте РФ, почтовый адрес: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54; профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ), почтовый адрес: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69; электронная почта: shatkovskaya.tv@gmail.com

Шачков Геннадий Васильевич, обучающийся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: Gennady91@mail.ru

Юрина Елизавета Алексеевна, обучающаяся третьего курса (направление подготовки 44.03.04 Профессиональное обучение (по отраслям), направленность Правоведение и правоохранительная деятельность) Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: eliz.yurina03@gmail.com

OUR AUTHORS

Alexander V. Skiperskikh, Professor of Philosophy and Social Science Department (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: pisatels@mail.ru

Dina V. Alontseva, Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: dina.alontseva@mail.ru

Elizaveta A. Yurina, a third-year student (training direction 44.03.04 Vocational training (by industry), orientation Law and law enforcement activity) Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: eliz.yurina03@gmail.com

Gennady V. Shachkov, studying in the field of training 40.04.01 Jurisprudence Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: Gennady91@mail.ru

Igor O. Nadtochiy, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanities, Russian and Foreign Languages of the Voronezh State Academy of Sports (Voronezh, Russia); postal address: 59 Karl Marx Street, Voronezh, Voronezh Region, 394036; e-mail: kanc@vgifk.ru

Maria A. Perepelitsa, Doctor of Law, Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: perepelitsa.doc@gmail.com

Maria S. Nesynova, a third-year student (training direction 44.03.04 Vocational training (by industry), orientation Law and law enforcement activity) Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: nesynovamasha5@gmail.com

Marina S Didenko., Senior Lecturer, Department of Theory and history of law and state RANEPa under the President of the Russian Federation (Russia, Rostov-on-Don), Postal address: Rostov-on-Don, Pushkin St. 70/54; e-mail: marina.didenko.2022@inbox.ru

Natalia D. Ratnikova, candidate of law sciences, associate professor Voronezh Branch of the State University of the Sea and River Fleet named after Admiral S.O. Makarova (Voronezh, Russia); Postal address: 394033, Voronezh region, Voronezh, Leninsky Prospekt, 174L; e-mail natasha.rat@yandex.ru

Sofia S. Rybalko, studying in the field of training 40.04.01 Jurisprudence Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: Gennady91@mail.ru

Tatiana V. Shatkovskaya, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Postal address: Rostov-on-Don, Pushkin St. 70/54; Russian Federation Rostov state economic university (RINH) (Rostov-on-Don, Russian Federation) 344002 Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str. 69; e-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Victoria V. Mironchukovskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: bosfor4878@mail.ru

Xenia P. Inshakova, studying in the field of training 40.04.01 Jurisprudence Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: kp.inshakova@dominantsugar.ru

Yuliya A. Chernysheva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: lavytrans@mail.ru

Yuri V. Golik, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russia); Postal address: 125080, Moscow, Vrubel str.12; e-mail: ygolik@list.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Адрес редакции: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28.
Телефон: 8(47467) 2-26-27 (ответственный секретарь – Юлия Андреевна Чернышева).

E-mail: jurn.book@yandex.ru

Журнал «Вопросы государства и права» является научным журналом, в котором рассматриваются актуальные теоретические и практические проблемы становления и развития государства и права, истории политической и правовой мысли, актуальные аспекты права и правоприменения на современном этапе.

Журнал издается с 2023 года. Журнал учрежден Елецким государственным университетом имени И.А. Бунина, является подписным периодическим научным изданием. Выходят 4 номера в год.

Полные требования к публикации размещены на сайте https://elsu.ru/state_lav/

INFORMATION FOR AUTHORS

Address of the editorial office: 399770, Lipetsk region, Yelets, 28, Kommunarov Street.

Tel. 8(47467) 2-26-27 (executive secretary – Yuliya A. Chernysheva).

E-mail: : jurn.book@yandex.ru

Journal "Questions of State and Law " is a scientific journal, which examines the current theoretical and practical problems of the formation and development of state and law, the history of political and legal thought, current aspects of law and law enforcement at the present stage.

The magazine has been published since 2023. Journal was founded by Bunin Yelets State University and is a subscription scientific periodical. Four issues a year come out.

Full information is presented on site https://elsu.ru/state_lav/

Научный журнал

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 3 (3) / 2023

*Редактор – С.Е. Гридчина
Техническое исполнение – В.М. Гришин*

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 18.12.2023
Дата выхода в свет 19.12.2023
Бумага 39,5 п.л. Формат А-4. Гарнитура Times.
Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 108
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: jurn.book@yandex.ru
Сайт редколлегии: https://elsu.ru/state_lav/redkol/

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, Коммунаров, 28, 1